J 46/156

156.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ С. Г. РУНКЕВИЧА:

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА. Т. I. Учрежденіе и первоначальное устройство Св. Правительствующаго Синода.

РЕЦЕНЗІЯ

ЗАСЛУЖЕННАГО ПРОФЕССОРА, ПРОТОІЕРЕЯ

М. И. Горчакова.

Отдѣльный оттискъ изъ «Отчета о XLIII присужденіи наградъ графа Уварова».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 линія, № 12.

1902.

2007057004

Исторія Русской Церкви подъ управленіемъ Святѣйшаго Синода.

Томъ первый. Учрежденіе и первоначальное устройство Святѣйшаго Правительствующаго Синода (1721—1725 гг.). Сочиненіе С. Г. Рункевича. СПБ. 1900. Стр. 429 + II.

Рецензія заслуженнаго ординарнаго профессора С.-Петербургскаго университета, протоіерея М. И. Горчакова.

Книга г. Рункевича имѣетъ два заглавія: общее и особенное. Первымъ заглавіемъ, подъ которымъ стоитъ «томъ первый», указывается, что авторъ предпринялъ написать полную исторію русской церкви въ періодъ синодальный, имѣющую состоять изъ многочисленныхъ томовъ. Особеннымъ заглавіемъ обозначается содержаніе изданнаго авторомъ тома. Но и изданный томъ есть лишь первая книга Исторіи русской церкви за весьма краткій періодъ существованія Св. Синода (1721—1725 гг.), посвященная исключительно историческому изслѣдованію и изложенію «учрежденія и первоначальнаго устройства» Св. Синода. По словамъ автора въ коротенькомъ, предпосланномъ изслѣдованію, предисловіи, онъ «первоначально предполагалъ написать исторію русской церкви за время отъ учрежденія Св. Синода до кончины Петра Великаго въ одномъ томѣ изъ слѣдующихъ шести главъ: I) учрежденіе и первоначальное устройство Св. Правительствующаго Синода; II) дѣла вѣры; III) образованіе и просвѣщеніе; IV) епархіальная жизнь; V) церковныя имущества и VI) духовный судъ. Но оказавшаяся въ распоряженіи автора масса историческаго матеріала, не вполнѣ обработаннаго, или вовсе неразработаннаго, или совсѣмъ доселѣ неизвѣстнаго, повела къ тому, что каждая глава выросла въ цѣлый томъ и каждый томъ получилъ монографическій характеръ». — Такимъ образомъ книга г. Рункевича, заглавіе которой мы выписали и которая подлежитъ нашему разсмотрѣнію, есть историческая монографія о Св. Синодѣ за первые пять лѣтъ его существованія, — первая изъ шести, обѣщаемыхъ авторомъ,

РУМЯНЦ. БИБЛІОТЕКА

и первый томъ изъ многочисленныхъ, въ которыхъ будетъ изслѣдуема и излагаема имъ исторія русской церкви подъ управленіемъ Св. Синода.

Предпринятый г. Рункевичемъ ученый трудъ, исполненіе котораго началось изданнымъ и подлежащимъ нашему разсмотрѣнію томомъ, имѣетъ своимъ содержаніемъ предметъ величайшей, первостепенной важности въ наукахъ церковной исторіи и церковнаго права и въ соприкосновенныхъ съ ними, весьма сложный и многосодержательный; задачи, поставленныя себѣ авторомъ, обширны; обѣщанія его — широкія. Нельзя не пожелать отъ всей души автору успѣховъ въ исполненіи его задачъ и обѣщаній. Будемъ ждать и надѣяться. Надежда наша на постепенное и успѣшное исполненіе авторомъ его задачъ и обѣщаній основывается на довѣріи нашемъ къ его изумительному трудолюбію, его настойчивости и замѣчательнымъ способностямъ въ церковноисторическихъ изслѣдованіяхъ. Молодой авторъ перваго тома Исторіи русской церкви подъ управленіемъ Св. Синода — уже не новичекъ въ русской церковноисторической литературѣ. Г. Рункевичу принадлежатъ слѣдующіе ученые труды: 1) «Исторія Минской архіепископіи (1793—1832 гг.), съ подробнымъ описаніемъ хода возсоединенія западнорусскихъ уніатовъ съ православною церковію въ 1794—1796 гг.», СПБ. 1893, стр. IX—XVI+572. Сочиненіе обширное и весьма содержательное, составленное большею частію на основаніи матеріаловъ архивовъ консисторій кіевской, минской, могилевской и черниговской, семинаріи минской, академіи кіевской, Св. Синода, канцеляріи синодальнаго оберъ-прокурора и др. За это сочиненіе авторъ удостоенъ отъ с.-петербургской духовной академіи степени магистра. 2) «Краткій историческій очеркъ столѣтія минской епархіи» (1793—1893), СПБ. 1893. 3) «Переписка Филарета, митрополита московскаго съ С. Д. Нечаевымъ», СПБ. 1895. Это — 242 письма, собранныя и приведенныя въ порядокъ г. Рункевичемъ, съ примѣчаніями его къ нимъ, сдѣланными большею частію на основаніи архивныхъ розысканій. 4) «Описаніе документовъ архива западнорусскихъ уніатскихъ митрополитовъ 1470—1700 гг.». Т. I. СПБ. 1897 г., стр. 502, съ предисловіемъ, въ которомъ указывается классификація документовъ и исторія архива, разобраннаго и приведеннаго г. Рункевичемъ въ порядокъ и заключающаго въ себѣ богатый и разнообразный матеріалъ для исторіи юго-западной Россіи. 5) «Приходская благотворительность въ С.-Петербургѣ». Историческіе очерки. СПБ 1900 г., стр. 313+VII. Это — первый опытъ подробной исторіи приходскихъ благотворительныхъ обществъ въ С.-Петербургѣ за время 1860—1900 гг., съ статистическими сводками, характеризующими современное состояніе дѣятельности обществъ. Сочиненіе удостоено преміи Имени Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. 5) «Письма преосвященнаго Виктора

Садковскаго, перваго минскаго архіепископа» (150 писемъ), собранныя и объясненныя г. Рункевичемъ. Минскъ. Отпечатаны въ «Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1891 г. №№ 23 и 24, 1892 г. №№ 1—12, 15—24 и въ отдѣльныхъ оттискахъ. 6) «Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина», СПБ. 1899 г. и 7) журнальныя довольно многочисленныя статьи, изъ которыхъ многія вошли въ представленную на соисканіе Уваровской преміи книгу о Св. Синодѣ, предварительно напечатанныя въ «Христіанскомъ Чтеніи». По исчисленнымъ ученымъ сочиненіямъ и изданіямъ г. Рункевичъ пользуется извѣстностью въ русской церковно-исторической литературѣ. Ими онъ достаточно подготовилъ себя къ ученому предпріятію — приступить къ составленію подробной исторіи русской церкви подъ управленіемъ Св. Синода. Началомъ успѣшнаго исполненія этого предпріятія, положеннымъ въ изданіи перваго тома «Исторіи», заключающаго въ себѣ обширное изслѣдованіе и изложеніе происхожденія и первоначальнаго устройства Св. Синода, г. Рункевичъ составилъ себѣ имя въ русской церковноисторической литературѣ.

Новый ученый трудъ г. Рункевича составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ церковноисторическую литературу о Св. Синодѣ и отличается выдающимися особенностями. Авторъ такого сочиненія не можетъ и не долженъ опасаться не только объективнаго обстоятельнаго научнаго разбора его труда, но и притязательной на строгость критики его недостатковъ, воззрѣній и отношеній къ другимъ изслѣдователямъ. Всякаго рода критическія замѣчанія относительно изслѣдуемаго авторомъ предмета, не лишенныя научныхъ основаній, могутъ служить лишь къ научному уясненію авторитета Св. Синода въ русской церкви. Безвозвратно прошло время, когда возможны были опасенія за авторитетъ Св. Синода отъ критическихъ воззрѣній на его происхожденіе, исторію и современное значеніе. Не могли и не могутъ колебать его церковнаго авторитета ни оппозиціонныя ему возраженія Маркелла Радышевскаго и Арсенія Мацѣевича, ни полемическія нападенія на него заграничныхъ иновѣрныхъ писателей, публицистовъ и подпольной раскольнической и старообрядческой письменности, ни письма даже такихъ пользующихся міровою извѣстностію писателей, какъ гр. Л. Н. Толстой, вмѣстѣ съ стихотвореніями оппозиціонныхъ Св. Синоду его почитателей. Наука должна быть свободна. Новоизданное сочиненіе г. Рункевича полагаетъ крѣпкій фундаментъ для объективно-научныхъ изслѣдованій Св. Синода.

Сочиненіе г. Рункевича, прежде всего, отличается богатствомъ матеріала, который онъ собралъ и которымъ онъ располагалъ при составленіи своего труда. Сочиненія о Св. Синодѣ при Петрѣ I, вышедшія въ печати ранѣе труда г. Рункевича, составлялись почти исключительно на осно-

ваніи матеріаловъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ и въ изданіяхъ Высочайше учрежденной при Св. Синодѣ Коммиссіи для разбора хранящихся въ его архивѣ дѣлъ. Исключеніе составляетъ лишь изслѣдованіе А. Голубева «Св. Синодъ», изданное въ Трудахъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи («Внутренній бытъ московскаго государства») и изложенное на основаніи хранящихся въ немъ дѣлъ. Но г. Рункевичъ прилежно воспользовался не только означенными изданіями, но сокровищами архивовъ Св. Синода, министерствъ Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ, Государственнаго Совѣта, Александроневской Лавры и С.-Петербургской духовной консисторіи, — равно матеріалами и сообщеніями, отпечатанными въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, каковы: «Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей», «Чтенія въ Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія», «Русскій Архивъ», «Русская Старина», «Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества» и др. Въ сочиненіе г. Рункевича внесено въ нѣсколько разъ болѣе матеріаловъ, чѣмъ ихъ помѣщено въ предшествующихъ появленію его труда сочиненіяхъ. Въ числѣ матеріаловъ, собранныхъ г. Рункевичемъ, есть не мало новыхъ, впервые имъ печатаемыхъ въ обработанномъ видѣ. Несмотря на богатство матеріаловъ оказавшихся въ распоряженіи автора, онъ, тщательно изучивъ ихъ, пользуется и располагаетъ имъ самостоятельно и свободно, и излагаетъ его научно и литературно, — ни мало не обнаруживая признаковъ стѣсненности подъ его бременемъ. Матеріалы, ранѣе его труда отпечатанные и подвергшіеся использованію и обработкѣ, онъ свѣряетъ и провѣряетъ съ подлинными архивными дѣлами и документами. При свѣркѣ сообщенныхъ его предшественниками въ изслѣдованіи свѣдѣній съ первоначальными источниками, г. Рункевичъ иногда исправляетъ прежнія сообщенія, иногда дополняетъ ихъ, иногда излагаетъ ихъ въ новомъ освѣщеніи. Г. Рункевичъ, повидимому, старался использовать исчерпывающимъ образомъ весь матеріалъ, донынѣ сохраняющійся въ архивахъ, относительно происхожденія, учрежденія и устройства Св. Синода при Петрѣ I. Но, несмотря на таковыя старанія его, ему остались неизвѣстными работы и труды современниковъ Петра — Любераса, Фика и другихъ лицъ по устройству коллегій, сохранившіеся въ дѣлахъ московскихъ архивовъ министерствъ Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ и указанные въ литературѣ (см. С. Петровскаго «О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго», историко-юридическое изслѣдованіе, М. 1875, стр. 39 и Э. Берендтса «Нѣсколько словъ о Коллегіяхъ». Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ Демидовскаго Юридическаго Лицея 30-го августа 1895 г. Ярославль, 1896, стр. 17—20). Изученіе содержанія, происхожденія и значенія означенныхъ трудовъ объяснило бы г. Рункевичу въ болѣе полномъ свѣтѣ

происхожденіе плана Петра объ учрежденіи «Духовной Коллегіи», чѣмъ какъ онъ разсуждаетъ на стр. 95-ой своего сочиненія. Замѣтимъ еще здѣсь: г. Рункевичъ обладаетъ особеннымъ, имъ благопріобрѣтеннымъ, даромъ къ успѣшнымъ занятіямъ въ архивахъ, благодаря тому, что онъ весьма хорошо изучилъ и понялъ канцелярское дѣлопроизводство въ русскихъ правительственныхъ и церковныхъ учрежденіяхъ XVIII в. При знаніи этого предмета, онъ, при первомъ же обзорѣ состава взятаго имъ въ архивѣ какого угодно дѣла, сразу умѣетъ опредѣлить каждую его часть, всякую бумагу въ немъ находящуюся, каждую канцелярскую отмѣтку и весь ходъ всего дѣла. Поэтому г. Рункевичъ не затеряется въ своихъ занятіяхъ ни въ какомъ архивѣ XVIII в., какъ бы этотъ архивъ не былъ сложенъ и въ какомъ бы состояніи по своему устройству онъ не находился. Г. Рункевичъ — отличный архивистъ.

Чтеніе книги г. Рункевича, множество ссылокъ въ ней на разныя сочиненія и ближайшее знакомство съ нею убѣждаетъ ея читателя, что авторъ старался внимательно и подробно изучить русскую литературу о Петровскомъ времени и прочиталъ прилежно весьма много сочиненій, по содержанію своему относящихся какъ къ главному предмету его книги, такъ и ко всѣмъ частямъ, изъ которыхъ она состоитъ. Но мы не можемъ умолчать, что г. Рункевичъ, при составленіи ея, опустилъ изъ виду или недостаточно использовалъ нѣкоторыя сочиненія, заключающія въ себѣ весьма важное содержаніе, служащее къ историческому выясненію происхожденія коллегій вообще, Духовной Коллегіи въ частности, прокурорскаго института вообще и синодальнаго оберъ-прокурора въ частности, первоначальнаго устройства коллегій вообще и Св. Синода въ частности, и строя сенатской, коллежскихъ и синодской канцелярій. Таковы сочиненія: проф. А. Д. Градовскаго «Высшая администрація XVIII столѣтія и Генералъ-прокуроры», 1866, СПБ.; С. Петровскаго «О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго», М. 1875; Милюкова, Государств. хоз. Россіи, 1892, СПб., стр. 569—586; Н. Ардашева «Регламентъ Вотчинной Коллегіи», М. 1896 и Э. Берендтса «Нѣсколько словъ о Коллегіяхъ Петра Великаго», Яросл. 1896. Скажемъ болѣе: и къ спеціальной литературѣ о Св. Синодѣ авторъ монографическаго изслѣдованія о немъ обязанъ былъ отнестись съ полнымъ вниманіемъ, какого она заслуживаетъ, и не ограничиваться лишь сравнительно немногими цитатами на нѣкоторыя ея произведенія. Автору монографіи слѣдовало бы изложить въ ней цѣльный и отчетливый историческій очеркъ литературы объ ея предметѣ, — такой, чтобы читатель ея могъ бы опредѣлить значеніе вновь издаваемаго монографическаго сочиненія о предметѣ, по которому издано въ недавнее время нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій. Г. Рункевичъ не представилъ никакихъ

свѣдѣній о литературѣ главнаго предмета его монографіи и тѣмъ лишилъ незнакомаго съ спеціальною литературою объ этомъ предметѣ читателя возможности — оцѣнить значеніе и достоинства своего труда и опредѣлить мѣсто, какое онъ долженъ занимать въ ряду другихъ сочиненій о томъ же предметѣ. Мало того, читатель книги г. Рункевича, встрѣчая въ ней такія цитируемыя сочиненія, какъ В. Попова «О Святѣйшемъ Синодѣ и объ установленіяхъ при немъ въ царствованіе Петра I» (стр. 296 прим.), Н. Востокова «Святѣйшій Синодъ и отношенія его къ другимъ государственнымъ учрежденіямъ при императорѣ Петрѣ I» (стр. 291 прим.), Голубева «Св. Синодъ» (стр. 243 прим.), Н. Кедрова «Духовный Регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностію Петра Великаго» (стр. 281 прим.), Т. В. Барсова «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ» и «Синодальныя учрежденія прежняго времени» и др., можетъ недоумѣвать — почему г. Рункевичъ, въ виду существованія нѣсколькихъ монографій о Св. Синодѣ, изданныхъ въ недавнее время, рѣшился написать еще монографію подъ заглавіемъ «Учрежденіе и первоначальное устройство Св. Синода». При составленіи историческаго очерка спеціальной литературы о Св. Синодѣ г. Рункевичъ несомнѣнно не умолчалъ бы въ своей книгѣ и о такихъ, конечно, ему хорошо извѣстныхъ монографіяхъ, какъ Ѳ. Журдапія «Святѣйшій Синодъ при Петрѣ Великомъ», Тифлисъ, 1882, и Н. Ольшевскаго «Святѣйшій Правительствующій Синодъ при Петрѣ Великомъ», Кіевъ, 1894, прослѣдилъ бы — какія свѣдѣнія и воззрѣнія о Св. Синодѣ сообщались въ прежнихъ и сообщаются въ новыхъ руководствахъ, учебникахъ и курсахъ церковной исторіи и церковнаго права, выяснилъ бы значеніе отдѣльныхъ сочиненій, спеціально посвященныхъ Св. Синоду во время Петра Великаго, и то, почему спеціальная литература о Св. Синодѣ стала особенно развиваться въ послѣднія 25 лѣтъ, и, главное, далъ бы возможность читателямъ его книги понять — какими преимуществами отличается она отъ произведеній предшествующей литературы.

Отличительныя преимущества сочиненія г. Рункевича, по сравненію съ произведеніями другихъ авторовъ о томъ же предметѣ, слѣдующія: сравнительная полнота и богатство сообщаемыхъ свѣдѣній, многосторонность разсмотрѣнія предмета, отношеніе монографіи къ обѣщаемымъ со стороны автора послѣдующимъ его трудамъ и самостоятельное построеніе изслѣдованія.

Сочиненіе г. Рункевича отличается отъ произведеній предшествовавшихъ ему писателей о Св. Синодѣ несравненно бо́льшею полнотою и богатствомъ свѣдѣній имъ сообщаемыхъ. Мы выше уже замѣтили, что всѣ предшественники г. Рункевича, за исключеніемъ г. Голубева, заимствовали свои свѣдѣнія исключительно изъ печатныхъ изданій (изъ Полнаго

Собранія Законовъ и изъ первыхъ томовъ Описанія документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода и Полнаго Собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству Православнаго Исповѣданія). Они имѣли при составленіи своихъ трудовъ готовые матеріалы въ своемъ распоряженіи, не ими собранные и отысканные. Ихъ сочиненія имѣютъ видъ и объемъ брошюръ, журнальныхъ статей и отдѣльныхъ ихъ оттисковъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ нихъ, располагались и излагались въ зависимости отъ количества матеріаловъ, находившихся въ печати. Составители ихъ были большею частію новички въ литературѣ. Почти всѣ упомянутыя нами сочиненія о Св. Синодѣ, изданныя до г. Рункевича,— диссертаціи студентовъ духовныхъ академій и университетовъ на степень кандидатовъ и на соисканіе студенческихъ премій и наградъ. — Сочиненіе г. Рункевича — ученая книга, монографическое изслѣдованіе въ полномъ смыслѣ слова. Авторъ этого изслѣдованія произвелъ розысканія матеріаловъ объ его предметѣ во многихъ с.-петербургскихъ архивахъ, путешествовалъ — думаю — не разъ въ Москву, тамъ занимался въ двухъ архивахъ и собралъ лично, безъ всякаго стороняго содѣйствія, множество матеріаловъ. Его розысканія направлены были къ собранію новыхъ свѣдѣній о предметахъ его изслѣдованія, къ дополненію и провѣркѣ извѣстныхъ въ печати и къ выясненію многихъ историческихъ фактовъ, ихъ происхожденія и теченія, причинности, послѣдовательности и окончанія. Онъ не случайно находилъ, а сознательно отыскивалъ дѣла въ разныхъ архивахъ относительно тѣхъ или другихъ историческихъ фактовъ, сопоставлялъ и сравнивалъ содержаніе ихъ между собою, находилъ въ нихъ неизвѣстныя въ печати и предшествующимъ ему писателямъ о предметахъ его изслѣдованія подробности и доводитъ разсказы о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ своей книгѣ до совершенной полноты. Въ вѣрности сего нашего наблюденія читатель книги г. Рункевича легко можетъ убѣдиться, если прочитаетъ, напримѣръ, 120—137 страницы, на которыхъ онъ съ исчерпывающею полнотою излагаетъ любопытныя и занимательныя подробности слушанія, разсмотрѣнія и окончательной редакціи Ѳеофанова проекта Духовнаго Регламента въ Сенатѣ и Петромъ, подписанія его архіереями, архимандритами и игуменами въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Вологдѣ и разъѣздовъ по Россіи разныхъ лицъ по поводу собиранія подписей подъ нимъ русскихъ іерарховъ. Съ цѣлью полноты и достовѣрности изложенія историческихъ фактовъ, о которыхъ есть печатныя сообщенія, г. Рункевичъ обращался къ подлиннымъ дѣламъ, къ первоисточникамъ и къ сохранившимся оригиналамъ-памятникамъ и по личному непосредственному осмотру ихъ излагаетъ въ книгѣ свои наблюденія. Такъ, всѣ предшественники г. Рункевича, писатели о Св. Синодѣ, излагали содержаніе Духовнаго Регламента и свои наблюденія и изслѣдованія относи-

тельно его по печатнымъ его изданіямъ; а г. Рункевичъ самымъ тщательнымъ образомъ изучилъ Духовный Регламентъ по его оригиналу, хранящемуся въ особомъ ковчежцѣ въ Присутствіи Св. Синода, и на основаніи его подробнаго осмотра, сличенія его съ печатными изданіями и сопоставленія нѣкоторыхъ его частностей съ производствомъ дѣлъ объ его слушаніи и разсмотрѣніи въ Сенатѣ и Петромъ и объ его подписаніи іерархами, сообщилъ любопытныя новыя свѣдѣнія о проведеніи проекта Регламента на степень учредительнаго закона. Подобнымъ образомъ г. Рункевичъ относится, при составленіи своей монографіи, и къ другимъ историческимъ фактамъ и матеріаламъ, до изданія его книги бывшимъ въ печати (см. напримѣръ стр. 155—163, на которыхъ излагаются свѣдѣнія о «Прибавленіи къ Духовному Регламенту», содержащемъ правила «о пресвитерахъ, діаконахъ и прочихъ причетникахъ» и «о монахахъ»). Понятно, почему книга г. Рункевича о Св. Синодѣ преимуществуетъ предъ всѣми прочими изданіями, сообщающими свѣдѣнія объ учрежденіи и первоначальномъ его устройствѣ, богатствомъ и полнотою содержанія и представляетъ изъ себя цѣнную новость въ русской церковноисторической литературѣ.

Отличительною чертою монографіи г. Рункевича является, между прочимъ, замѣчательная живость изложенія историческаго содержанія, безотносительная и по сравненію съ сочиненіями другихъ писателей о Св. Синодѣ. Она читается съ величайшимъ интересомъ и легкостію не только по занимательности и важности предметовъ, составляющихъ ея содержаніе, но и по простотѣ и правильности языка и даже по изяществу изложенія. Есть, конечно, въ объемистой и многосодержательной книгѣ нѣкоторыя мѣста и выраженія, отступающія отъ указанныхъ свойствъ языка и изложенія и могущія притязательной на строгость критикѣ подать поводъ къ упрекамъ г. Рункевича за его выраженія [1]). Но онѣ являются исключеніями въ

1) Такъ, какъ нарочно первая фраза, которою начинается книга, не безупречна со стороны стилистики. «Ко времени учрежденія Св. Синода Россія, послѣ 25-ти-лѣтней дѣятельности Петра Великаго, явилась неузнаваемою, по сравненію съ прежнимъ, во всѣхъ частяхъ». И эта фраза, между прочимъ, подала поводъ безъименному обозрѣвателю духовной литературы въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ рецензіи его, помѣщенной въ мартовской книгѣ этого журнала на стр. 256—261 за 1900 г., о вошедшихъ съ измѣненіями въ разсматриваемую нами книгу двухъ журнальныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» кн. январь—февраль 1900 г., обвинять г. Рункевича въ «бойкости и хлесткости» «писанія». Но мы находимъ обвиненіе въ «хлесткости» несправедливымъ, изложеніе содержанія книги по языку соотвѣтственнымъ важности ея предмета и появленіе самой рецензіи преждевременнымъ,—а отношенія г. безыменнаго рецензента къ г. Рункевичу, выразившіяся въ «сожалѣніи» его о «погонѣ (автора) за высшимъ званіемъ» (книга г. Рункевича представлена на соисканіе степени доктора) и въ упрекѣ за то, что г. Рункевичъ предпринялъ писать Исторію русской Церкви не «на склонѣ дней своихъ, послѣ цѣлой жизни, проведенной въ ученыхъ подвигахъ», — съ сожалѣніемъ считаемъ странными и неблагорасположенными до непристойности. Рецензентъ, давая отзывъ свой о двухъ сравнительно незначительныхъ по объему статьяхъ, «смѣло и безбоязненно» еще до появленія въ свѣтъ всей книги, въ которую онѣ вошли, осуждаетъ ея автора за «смѣлость» «писать Исторію».

общемъ составѣ книги. Мы, съ своей стороны, поставляемъ въ особенное достоинство «живое и бойкое перо» г. Рункевича въ виду того, что онъ, извлекая матеріалы для своего изслѣдованія изъ многочисленныхъ дѣлъ и документовъ, написанныхъ канцелярскимъ языкомъ первой четверти XVIII столѣтія, почти во все избѣжалъ сообщенія свѣдѣній объ историческихъ фактахъ дословными выдержками изъ дѣлъ и изложилъ исторію учрежденія и первоначальнаго устройства Св. Синода современнымъ намъ литературнымъ языкомъ. Монографія г. Рункевича, по живости изложенія, замѣтно выдвигается предъ другими спеціальными сочиненіями о томъ же предметѣ вслѣдствіе самыхъ пріемовъ и характера изслѣдованій авторовъ. Предшественники г. Рункевича разсуждаютъ въ своихъ сочиненіяхъ о Св. Синодѣ исключительно какъ о правительственномъ установленіи по пріемамъ юридическихъ изслѣдованій: они не входятъ въ своихъ изслѣдованіяхъ въ разъясненіе личныхъ свойствъ, характеровъ и отношеній дѣятелей при учрежденіи и устройствѣ и въ первоначальной дѣятельности Св. Синода, — разсматриваютъ его, какъ церковно-правительственный институтъ. Почему изложеніе ихъ сухо и монотонно. А. г. Рункевичъ внесъ въ свое изслѣдованіе біографическіе очерки нѣсколькихъ іерарховъ, поставленныхъ исторіею въ періодъ церковныхъ реформъ. Въ этихъ очеркахъ, живо написанныхъ, личная біографія, характеристика и судьба нѣсколькихъ современныхъ Петру дѣятелей — іерарховъ и другихъ его сподвижниковъ поставлена въ самую тѣсную связь съ историческимъ движеніемъ церковныхъ реформъ при Петрѣ. Посему самыя установленія, созидавшіяся реформами, становятся оживленными. Что касается произшествій, событій и дѣйствій, излагаемыхъ въ книгѣ, то многія изъ нихъ изображены съ такою живостію и наглядностію, что читателю представляется — авторъ будто самъ присутствовалъ во время ихъ совершенія и былъ ихъ очевидцемъ. Въ иныхъ мѣстахъ книги живостію изложенія авторъ ея и читателя вводитъ въ состояніе какъ бы очевидца описываемыхъ событій, произшествій и предметовъ. Въ такомъ видѣ изложены авторомъ, напримѣръ, событія открытія Св. Синода (стр. 140—142), нѣкоторыя засѣданія его (стр. 139, 142, 148 и др.), описаніе домовъ Брюсова (стр. 407—410), Гагаринскаго (стр. 410—414) и московскаго патріаршаго двора (стр. 414—416), въ которыхъ происходили засѣданія Св. Синода. Сочиненіе г. Рункевича, по живости и пріемамъ изложенія, есть въ полномъ смыслѣ историческое, на очень многихъ страницахъ увлекающее читателя своею занимательностію и наглядностію изображеній.

Мы умолчали бы объ этой рецензіи, но она произвела въ нѣкоторой средѣ несвоевременную сенсацію и предубѣжденіе противъ разсматриваемой нами монографіи прежде появленія ея въ печати въ полномъ объемѣ.

Книга г. Рункевича есть лишь первая изъ шести монографій, имъ подготовляемыхъ и обѣщаемыхъ къ изданію и посвящаемыхъ историческому изслѣдованію о Св. Синодѣ за первыя пять лѣтъ его существованія. Но и въ ней Св. Синодъ исторически изслѣдуется болѣе многосторонне, чѣмъ въ сочиненіяхъ, изданныхъ другими авторами прежде его и трактующихъ о томъ же предметѣ и за то же время. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя части изслѣдованія съ бо́льшею полнотою излагаются въ книгѣ г. Рункевича, чѣмъ въ другихъ сочиненіяхъ (каковы первые отдѣлы, въ которыхъ говорится о преобразованіяхъ Петра до учрежденія Св. Синода и объ основаніи или учрежденіи его, какъ историческаго факта и др.), мы находимъ въ монографіи г. Рункевича изложеніе біографическихъ очерковъ лицъ, вошедшихъ въ первоначальный составъ Св. Синода, подробное описаніе устройства канцеляріи его съ обозначеніемъ правъ, обязанностей и отношеній исполнительныхъ органовъ, указаніе формъ дѣлопроизводства и видовъ исполненія синодальныхъ постановленій и отправленія исполнительныхъ бумагъ и свѣдѣнія о «хозяйственной части» Синода съ подробнымъ описаніемъ зданій, въ которыхъ происходили его засѣданія, — чего нѣтъ въ сочиненіяхъ другихъ авторовъ.

Всѣ изданныя до появленія книги г. Рункевича сочиненія о Св. Синодѣ при Петрѣ изслѣдуютъ его съ разныхъ сторонъ и въ составныхъ его частяхъ въ предположенной ими полнотѣ закончено и безъ всякаго отношенія къ историческому развитію ихъ въ послѣпетровское время. Сочиненія представляются законченными, по планамъ ихъ авторовъ, въ отношеніи разсмотрѣнія предмета со стороны содержанія и рѣшительно ограниченными предѣлами 5-ти-лѣтняго существованія учрежденія при Петрѣ. Иная постановка изслѣдованія г. Рункевича. Въ разсматриваемой его монографіи полагается лишь начало «Исторіи русской церкви подъ управленіемъ Св. Синода» и изслѣдуются лишь нѣкоторыя стороны Св. Синода въ историческомъ ихъ происхожденіи и развитіи въ первыя пять лѣтъ его существованія. Чтеніе книги г. Рункевича и подробное ея разсмотрѣніе возбуждаетъ въ читателѣ ожиданія послѣдующихъ и обѣщаемыхъ авторомъ монографій и томовъ. Читая, напримѣръ, мѣста о засѣданіяхъ Св. Синода и отдѣлъ «о дѣлахъ и власти Св. Синода», мы невольно предполагаемъ и ожидаемъ, что законодательная, распорядительная, административная, надзирающая и судебная власть и дѣятельность Св. Синода, касающаяся предметовъ вѣроученія, богослуженія, образованія и приготовленія священнослужителей и церковниковъ, духовнаго просвѣщенія паствы, устройства епархій, управленія церковными имуществами и отправленія церковнаго правосудія за время Петра, и въ послѣдующія времена будетъ разсмотрѣна и изложена въ обѣщаемыхъ авторомъ монографіяхъ и томахъ. Послѣ про-

чтенія или даже и во время чтенія нѣкоторыхъ частей книги г. Рункевича мы испытывали, съ одной стороны, удовлетвореннность значительнѣйшею частію того, что написано, — а съ другой неудовлетворенность незаконченностью изслѣдованій автора, такъ какъ въ нихъ нѣтъ изложенія важнѣйшихъ предметовъ, относящихся къ обширной дѣятельности Св. Синода петровскаго времени, и отдѣловъ объ отношеніяхъ Св. Синода къ верховной власти, сенату и коллегіямъ. Равно невольно возбуждаются въ читателѣ вопросы и предположенія относительно построенія, объема и отношеній будущихъ изслѣдованій автора о Св. Синодѣ къ изданной имъ монографіи. Читатель находитъ успокоеніе въ достоинствахъ ея и въ надеждѣ на успѣшное трудолюбіе автора въ будущихъ и обѣщаемыхъ имъ изслѣдованіяхъ.

Въ построеніи плана, по которому составлена разсматриваемая монографія, авторъ вполнѣ самостоятеленъ. Планъ его основанъ на изслѣдованіи содержанія главнаго предмета и составныхъ его частей. Соотвѣтственно этимъ частямъ, вся монографія дѣлится на девять главъ. Каждая глава означается римскою цифрою, указывающею мѣсто, занимаемое ею въ общемъ составѣ монографіи, и особымъ заглавіемъ, обозначающимъ его содержаніе и предметъ. Главы эти — слѣдующія: I. Преобразованія Петра Великаго въ сферѣ государственной и состояніе церковной жизни въ Россіи наканунѣ учрежденія Святѣйшаго Синода. II. Преобразованія въ строѣ церковной жизни въ царствованіе Петра Великаго за время до учрежденія Святѣйшаго Синода. III. Учрежденіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода. IV. Составъ (личный) Святѣйшаго Синода. V. Исполнительные органы Святѣйшаго Синода и оберъ-прокуроръ. VI. Дѣла и власть Св. Синода. VII. Дѣлопроизводство. VIII. Переѣзды Синода въ Москву. Петербургское и московское синодальныя правленія. IX. Хозяйственная часть.— Каждая глава подраздѣляется въ монографіи также римскими цифрами на §§. Многіе §§ посвящены, каждый въ отдѣльности, опредѣленному частному предмету; большею частію одинъ и тотъ же предметъ (напр. біографическій очеркъ одного лица) излагается во многихъ §§. Замѣтимъ, что термины «глава» и «§§» нами принимаются при разборѣ монографіи, для удобства ссылокъ, — но авторомъ ея не употребляются и замѣнены римскими цифрами. — Приступаемъ къ разсмотрѣнію главъ, — каждой изъ нихъ въ особенности.

Въ главѣ I съ заглавіемъ «Преобразованія Петра Великаго въ сферѣ государственной и состояніе церковной жизни въ Россіи наканунѣ учрежденія Св. Синода» авторъ книги изображаетъ успѣхи внѣшняго и внутренняго роста государства россійскаго послѣ 25-ти-лѣтней дѣятельности Петра Великаго» и недостатки современнаго Петру состоянія церковной жизни,

указываетъ «причину» «нестроеній въ духовномъ чинѣ и великой скудости въ его дѣлахъ» и обозначаетъ три задачи преобразовательной дѣятельности Петра въ отношеніи церкви и обстоятельства, вызвавшія его на таковую.

Очеркъ успѣховъ государственнаго роста Россіи, представленный авторомъ, весьма кратокъ (стр. 1—4). Въ немъ ростъ государства въ періодъ войнъ и первыхъ, до учрежденія коллегій, преобразованій Петра изображается авторомъ преувеличенно, громкими хвалебными выраженіями; изъ нихъ иныя не соотвѣтствуютъ исторической дѣйствительности. Таковы выраженія: «Россія при Петрѣ расправила свои долго связанныя крылья отъ моря до моря», «сѣверъ сталъ безопасенъ», «югъ не опасенъ», «съ безпримѣрными усиліями насаждалось образованіе», «прежній приказническій порядокъ правленія замѣненъ государственнымъ строемъ, выдвигавшимъ на первый планъ долгъ и обязанности, для каждаго очерченныя» и т. п. Но, по несомнѣннымъ историческимъ изслѣдованіямъ, строй государственныхъ и церковныхъ учрежденій, управленіе разными сторонами народной и государственной жизни и благосостояніе всѣхъ классовъ русскаго населенія въ означенный періодъ подвергались сильнымъ потрясеніямъ, оправдываемымъ исключительно тѣми разнообразными цѣлями, къ которымъ, для блага государства, стремился и которыхъ постепенно достигалъ великій государь. — Еще съ бо́льшимъ преувеличеніемъ г. Рункевичъ изображаетъ «нестроенія въ духовномъ чинѣ и великую въ дѣлахъ скудость» и недостатки всѣхъ классовъ членовъ русской церкви въ церковной и нравственной жизни. Авторомъ нарисована, по его собственнымъ словамъ, «мрачная картина церковной жизни, набросанная на основаніи фактовъ, выхваченныхъ (и усердно авторомъ собранныхъ) изъ обширной области жизни» (стр. 10). Факты эти «выхвачены» авторомъ изъ судныхъ дѣлъ, производившихся то с.-петербургскимъ духовнымъ судьею архимандритомъ Ѳеодосіемъ Яновскимъ (см. примѣчаніе стр. 11), неотличавшимся спокойствіемъ и безпристрастіемъ, то въ московскихъ епархіальныхъ учрежденіяхъ, недостаточно извѣстныхъ малороссіянину-митрополиту, то въ Св. Синодѣ уже по совершеніи петровскихъ церковныхъ реформъ (примѣчанія стр. 15). На ряду съ фактами, выхваченными изъ «обширной области» жизни, авторомъ приведены, подобраны и сведены изъ разныхъ источниковъ свидѣтельства въ исключительно односторонемъ направленіи, указывающія лишь недостатки, вовсе не всеобщія въ жизни мірянъ, священнослужителей, іерарховъ и монашествующихъ конца XVII и первой четверти XVIII ст. Нѣтъ сомнѣнія, что были въ это время нестроенія и недостатки и въ церковныхъ учрежденіяхъ, и въ жизни членовъ русской церкви (какъ они существуютъ всегда и вездѣ), устраненіе которыхъ требовало правительственныхъ мѣръ. Но далеко не все и не всѣ члены рус-

ской церкви погрязли въ «нестроеніяхъ». Явленіямъ и фактамъ, собраннымъ г. Рункевичемъ, можно, на основаніи несомнѣнно достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній, противопоставить противоположныя явленія и факты изъ религіозной и церковной жизни мірянъ и духовныхъ того же времени, свидѣтельствующія о глубокомъ и искреннемъ благочестіи русскаго народа, объ усердіи его къ построенію и украшенію храмовъ Божіихъ, во множествѣ созданныхъ и существовавшихъ въ Россіи исключительно на иждивеніи народа, о преданности св. вѣрѣ, церкви и отечеству, о послушаніи духовнымъ отцамъ, іерархамъ и Государю, о любви къ чтенію и слушанію «божественныхъ» книгъ, о строгой благочестивой жизни монаховъ и мірянъ, о трудолюбіи, терпѣніи, выносливости и т. п. Самъ авторъ книги оговаривается, что «набросанная имъ картина не должна быть принимаема въ такомъ смыслѣ, что только дурныя и темныя стороны и являются исключительнымъ и единственнымъ матеріаломъ для характеристики нравственнаго состоянія духовенства и паствы на рубежѣ петровыхъ преобразованій» (стр. 16). Несмотря на эту оговорку, г. Рункевичъ продолжаетъ — будто «всѣ прекрасные лучи добраго примѣра и добрыхъ начинаній поглощались господствующею повсюду тьмою» (стр. 17). Едва ли вѣрно это сужденіе автора. Если бы оно было вѣрно, реформы Петра не имѣли бы никакого успѣха; между тѣмъ извѣстно, что они проводились въ жизнь далеко не безъ успѣха. Невѣрно, поэтому, будто «тьма, самодовольная, сильная своею массою, не хотѣла уступать мѣста свѣта и идти по его лучамъ».

Авторъ книги, изобразивъ успѣхи государственнаго роста въ 25-тилѣтній періодъ дѣятельности Петра и переходя къ изображенію состоянія церковной жизни за тоже время, выставилъ положеніе: «одна часть оставалась почти не тронутою преобразованіями — духовная» (стр. 4), — и на стр. 19 утверждаетъ: «преобразовываемое государство далеко шагало впередъ, а церковная жизнь продолжала стоять на мѣстѣ». Но г. Рункевичу хорошо извѣстно, что въ означенный имъ періодъ дѣятельности Петра и церковь подвергалась реформамъ по указамъ Государя не менѣе, чѣмъ государство. Самъ авторъ во II-ой главѣ своей монографіи съ значительною полнотою излагаетъ «преобразованія въ строѣ церковной жизни въ царствованіе Петра до учрежденія Св. Синода» (стр. 22—62). По свѣдѣніямъ его, преобразованія эти начались съ 1697 г. (стр. 24), а въ самомъ дѣлѣ ранѣе[1]), съ особенною силою проявились по случаю смерти патріарха Адріана въ 1700 г. и продолжались до самаго учрежденія Св. Синода.

1) Акты Ист. V, № 203, ср. «Исторія Россіи» С. М. Соловьева, т. XIV, стр. 155, изд. 1864.

Авторъ монографіи съ рѣшительностію утверждаетъ на стр. 19-ой: «церковное образованіе и просвѣщеніе народа остановилось, церковная благотворительность изсякла». Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ положеніемъ согласиться не можемъ. Первое изъ этихъ положеній опровергается существованіемъ и продолженіемъ дѣятельности академій московской Славяно-Греко-Латинской и кіевской Петро-Могилянской, учрежденіемъ цѣлой системы школъ въ новгородской епархіи по плану и подъ руководствомъ митрополита Іова, и школъ для духовенства и ищущихъ священства въ ростовской и сибирской епархіяхъ, также продолженіемъ и даже усиленіемъ тѣхъ образовательныхъ способовъ, которые перешли изъ XVII въ XVIII вѣкъ. Въ концѣ XVII в. между великорусскими іерархами были такіе, которые иностранцами признавались за ученыхъ и образованныхъ, какъ напр. Маркеллъ 1689—1692 гг., епископъ суздальскій, потомъ митрополитъ псковскій и затѣмъ казанскій, котораго на соборѣ 1690 г., бывшемъ для выбора патріарха, высшіе іерархи, съ поддержкою Петра, предлагали кандидатомъ на патріаршій престолъ и противъ котораго былъ выставленъ низшими членами собора архимандритами съ поддержкою царицы Натальи Кирилловны митрополитъ Казанскій Адріанъ [1]). Относительно же степени просвѣщенности приходскаго рядоваго священника конца XVII и начала XVIII в. и отношеній къ образованію своей паствы знаменитый петровскаго времени крестьянинъ И. Т. Посошковъ характерно свидѣтельствуетъ, когда внушаетъ своему сыну въ «Отеческомъ Завѣщаніи», если онъ станетъ приходскимъ священникомъ: «Аще же ты подаяніемъ мирскимъ, за скудостію прихожанъ, или за малолюдствомъ, пропитатися не можеши, то ты пиши книги полезные, четьи или пѣвчіе, или дѣтей учи грамотѣ, или писать или пѣть. И въ томъ трудѣ аще не будеши скушливъ, то и кромѣ церковнаго доходу будеши пищу себѣ пріобрѣтати» [2]). «Въ недѣльныя же дни и въ праздники господскіе отнюдь себѣ того не чини, еже бы у тебя послѣ литургіи поученію не быть. Аще можеши изустно читать, то читай изустъ; а аще же изустъ читать не можеши, то читай по книгѣ. А безъ поученія отнюдь бы у тебя не было. И аще дастъ тебѣ Богъ даръ, еже изъустъ читати, то не тщися риторски, съ ѳемами да съ парацыями, понеже той чинъ есть ученыхъ и школьныхъ людей. А ты риторики не училъ, того ради въ риторскій чинъ и не вступай. Но повѣди ты поученіе свое по естественному разуму. Сіе обѣ вѣжды, сыне мой, яко отъ философскихъ и богословскихъ ученій не многимъ польза бываетъ; но паче отъ простаго ученія люди пользуются, понеже у насъ людъ простой. И того ради людямъ

1) Исторія Соловьева, т. XIV, стр. 154, примѣч. 134.
2) «Завѣщаніе Отеческое», СПБ. 1893, стр. 208.

простымъ простое и ученіе служитъ. И о семъ вѣжды, яко не во украшеніи словесъ Божія благодать пребываетъ, но во усердномъ тщаніи». Приведя за тѣмъ въ подкрѣпленіе этого своего положенія 1 Кор. 1, 25 и Римл. 12, 16), авторъ «Завѣщанія Отеческаго» продолжаетъ: «И сего ради, сыне мой, не въ велерѣчіи упражняющеся, поученіе свое чини, но ревнуя ревнуй по Господѣ Бозѣ и ученіе свое повѣди ревностное, а не ухмуренное» (стр. 229).. «И ты, сыне мой, не вельми о томъ печалься, что риторски учить не можешь, но о отомъ пекись, чтобы тебѣ безъ поученія людей Божіихъ отъ церкви не отпустить; хотя словъ пять-шесть скажи, что тебѣ Богъ во сердце положитъ, еже бы на ползу людемъ было. И по совершеніи службы, не поползовавъ людей особыми словесы, въ домы не отпускай. И какой день никакова полезнаго слова людемъ не скажешь, то ты тотъ день ставь себѣ безчастный и якобы что потерялъ того дня, еже никому никакова полезнаго слова не сказалъ» (стр. 233). «Прошу же и еще тебя, сыне мой, Господа ради, не облѣнись и по малымъ праздникамъ читать нарядная поученія, аще и десять человѣкъ въ церковь сойдется; а если же больши десяти, то и въ простой день безъ поученія не моги отпустить, понеже яко тѣлу пища, тако и душѣ поученіе есть пища» (стр. 234—235).— Внушая своему сыну совѣты объ идеальной дѣятельности приходскаго священника, Посошковъ изображаетъ ея черты, конечно, потому, что находилъ ихъ въ дѣйствительной жизни приходскихъ священниковъ своего времени (второй половины XVII и первой четверти XVIII в.). Подтвержденіемъ распространенности простой народно-церковной проповѣднической дѣятельности приходскихъ священниковъ второй половины XVII в. служатъ существовавшіе въ то время сборники церковныхъ поученій подъ названіемъ «Обѣдъ духовной», «Вечеря»[1]), «Книга поученій на всякую недѣлю и на праздники»[2]), печатная, безъ выхода, — и др. Поученія изъ этихъ сборниковъ прочитывались въ церквахъ, если священники затруднялись почему либо произносить «изустныя»[3]). — Сопоставляя черты пастырской дѣятельности и жизни священниковъ конца XVII и начала XVIII в., изображенныя современнымъ намъ умнымъ и правдивымъ крестьяниномъ-писателемъ И. И. Посошковымъ въ 7-ой главѣ (стр. 206—254) его «Завѣщанія Отеческаго», съ тѣми, въ какихъ описываетъ ихъ современный намъ молодой ученый магистръ на 6—10 страницахъ своей монографіи, мы считаемъ историческою и объективною правдою то, что въ указанное время были на Руси и пастыри поучительные и назидательные для паствы

1) «Завѣщаніе», стр. 243.

2) «Лѣтопись Макаріева Унженскаго монастыря Костромской епархіи», соч. П. Херсонскаго, Кострома, 1888, ч. 2, стр. 50.

3) «Завѣщаніе», стр. 243.

по жизни и дѣятельности, были и недостойные своего пресвитерскаго положенія или по дѣйствіямъ своимъ, подвергавшимъ ихъ судебной отвѣтственности, или по малообразованности, — и что состояніе всего приходскаго духовенства того времени вовсе не заслуживаетъ того производящаго на читателя книги г. Рункевича безотрадное впечатлѣніе, описанія, какое имѣется въ разсматриваемой монографіи.

Исторически невѣрно и то — будто, по словамъ г. Рункевича, «благотворительность изсякла» на Руси XVII и начала XVIII в. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. въ Москвѣ существовали «патріаршія богадѣльни», которыя содержались на «богадѣленныя деньги», собиравшіяся со всѣхъ епархій. Правда, эти богадѣльни перешли въ 1700 г., по указу Петра, въ вѣдѣніе Монастырскаго Приказа, но и послѣ этого онѣ содержались на прежнія средства, шедшія изъ епархій. Кромѣ московскихъ патріаршихъ», богадѣленъ, имѣлись богадѣльни, «избы для нищихъ», церковныхъ бобылей при многихъ городскихъ и сельскихъ церквахъ во всѣхъ епархіяхъ, содержавшіяся на добровольныя подаянія мѣстнаго населенія. Намъ извѣстенъ хранящійся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи (въ одной изъ книгъ Патріаршаго Дворцоваго Приказа) списокъ конца XVII в., заключающій въ себѣ перечисленіе богадѣленъ, существовавшихъ при ружныхъ церквахъ во многихъ селахъ и городахъ различныхъ епархій, списокъ, который былъ представленъ Петру и на которомъ находится собственноручное его повелѣніе — продолжать выдачу руги тѣмъ церквамъ, при которыхъ есть богадѣльни. Но въ особенности распространенно практиковалась на Руси повсемѣстно поручная раздача милостыни нищимъ при церквахъ въ праздничные дни и совершались подаянія «колодникамъ» въ городахъ. Подача нищимъ «пѣнязей» при выходѣ изъ церкви послѣ Богослуженія считалась непремѣнною обязанностію всякаго, бывшаго въ воскресные и праздничные дни за Богослуженіемъ, и богатаго, и бѣднаго христіанина. Въ высшей степени трогательно наставленіе И. Т. Посошкова его сыну объ исполненіи имъ этой обязанности («Завѣщаніе» стр. 109). Съ переводомъ вотчинъ монастырей и архіерейскихъ домовъ въ управленіе Монастырскаго Приказа въ 1700 г. «благотворительность» этихъ учрежденій, дѣйствительно, прекратилась. Но прежде сего, въ теченіе второй половины XVII в. благотворительная дѣятельность монастырей (напримѣръ — Макарьева Унженскаго монастыря костромской епархіи) выражалась [1]), между прочимъ, въ колонизаціи пришлаго населенія по пустыннымъ лѣснымъ мѣстамъ, въ оказаніи пособій собственнымъ крестьянамъ, переселявшимся изъ густонаселенныхъ деревень въ новые поселки, потерпѣвшимъ отъ недорода,

1) См. «Лѣтопись» этого монастыря. И. Херсонскій, Кострома, 1888 г. выпускъ 2-ой 1682—1891 гг., стр. 4, 8, 10—12, 14 и др.

пожаровъ и другихъ случайныхъ несчастій (напр. отъ долгаго сидѣнья въ тюрьмѣ), въ содержаніи въ монастырѣ присылавшихся по указамъ Государей «изступленныхъ» и колодниковъ, въ выдачѣ денегъ и хлѣбныхъ запасовъ разнаго рода отставнымъ стрѣльцамъ, въ подаяніи милостыни увѣчнымъ и другимъ бѣднымъ, въ уплатѣ денегъ за лицъ, убитыхъ въ монастырскихъ вотчинахъ, вдовамъ и сиротамъ. «Въ расходныхъ книгахъ» (того же монастыря) встрѣчается много записей расхода денегъ, данныхъ поселенцамъ «на заводъ» и «строителю» новаго села «про сельскій обиходъ», или уплаченныхъ за купленные для нихъ припасы [1]). Но положеніе монастырскихъ крестьянъ съ введеніемъ новаго порядка управленія или по учрежденіи Монастырскаго приказа ухудшилось. Когда въ 1704 г. объявленъ былъ сборъ съ крестьянъ Макарьевскаго монастыря по рублю со двора (по переписи 1701 г.); то они били челомъ Государю объ освобожденіи ихъ отъ этого налога; такъ какъ послѣ переписи Нелидова 1701 г. «многіе крестьяне отъ хлѣбные скудости разбрелись въ міръ кормиться Христовымъ именемъ, изъ монастыря имъ никакой денежной и хлѣбной ссуды не стало, и игумену съ братіею отъ денегъ и отъ хлѣба отказано», между тѣмъ какъ «на передъ сего, нищутъ они въ своей челобитной, для великой нашей нужды деньгами и хлѣбомъ насъ ссужали» [2]). Мы утверждаемъ, что благотворительность подъ вліяніемъ церкви въ XVII в. была широкая, но она не была достаточно и систематически организована, каковою она осталась и во время, и послѣ церковныхъ реформъ Петра I. Что же касается до самостоятельной и добровольной благотворительности монастырей и архіерейскихъ домовъ со временъ обращенія ихъ вотчинъ въ вѣдѣніе и управленіе Монастырскаго Приказа, — то она, по выраженію г. Рупкевича, «изсякла» вслѣдствіе государственныхъ распоряженій.

«Мрачная картина состоянія церковной жизни въ Россіи на канунѣ учрежденія св. Синода» авторомъ книги «набросана», несомнѣнно, въ видахъ выясненія причинъ и оправданія преобразовательныхъ указовъ Петра вообще и учрежденія Св. Синода въ частности. Изъ чтенія монографіи г. Рупкевича получается впечатлѣніе—что «нестроенія въ духовномъ чинѣ и великая въ дѣлахъ скудость» и были единственною причиною церковныхъ реформъ при Петрѣ великомъ. Такъ, впрочемъ, представляется изображеніе происхожденія реформаторскихъ стремленій Петра въ отношеніи къ церкви едва ли не во всѣхъ сочиненіяхъ относительно этого предмета. Такое воззрѣніе на происхожденіе церковныхъ реформъ первой четверти XVIII в. весьма распространено и въ литературѣ, и въ общественномъ мнѣніи. Но такое воззрѣніе — крайне односторонне и невѣрно. Правда,

1) Тамже стр. 7.
2) Тамже, стр. 43.

самъ Петръ въ манифестѣ объ учрежденіи Духовной коллегіи говоритъ, что онъ усматриваетъ «въ духовномъ числѣ много нестроеній и великую въ дѣлахъ скудость». Но не въ этихъ только недостаткахъ заключается единственная причина церковно-реформаторскаго законодательства первой четверти XVIII вѣка. Реформы церковныя при Петрѣ имѣютъ историческую связь съ прогрессивнымъ движеніемъ въ Русской церкви, проявившимся во второй половинѣ XVII вѣка. Авторъ монографіи на стр. 18-ой совершенно вѣрно разсуждаетъ: «Въ исторической жизни народовъ бываютъ... періоды прогресса, двигающіе человѣчество впередъ. Время Петра великаго несомнѣнно принадлежало къ періодамъ этого рода». Многія преобразовательныя узаконенія Петра относительно тѣхъ или другихъ сторонъ церковнаго управленія и религіозно-нравственной жизни въ разныхъ классахъ населенія, дѣйствительно, стоятъ въ исторической связи съ преобразовательными стремленіями государственнаго и церковнаго правительства и отдѣльныхъ іерарховъ, а равно и съ прогрессивными предположеніями относительно разныхъ сторонъ церковной жизни, выражавшимися въ сознаніи общества второй половины XVII и начала XVIII в. Изложеніе преобразовательныхъ узаконеній Петра въ періодъ 25-тилѣтней его дѣятельности безъ указаній связи ихъ съ правительственными предположеніями, проэктами, постановленіями и распоряженіями предшествующаго времени внушаетъ читателю книги п г. Рупкевича невѣрную мысль о произвольныхъ реформаторскихъ дѣйствіяхъ Государя въ отношеніи къ церкви. Но и такое воззрѣніе на реформаторскую дѣятельность Петра не можетъ быть достаточно объосновано, если сопоставить ее въ связь съ явленіями прогрессивнаго движенія въ русской церкви, начавшагося около половины XVII вѣка (съ изданія Уложенія 1649 г.) и продолжавшагося до самаго Петра. Мы и полагаемъ: «исторікъ» русской церкви подъ управленіемъ Св. Синода въ первомъ же томѣ своей исторіи, посвященномъ исторіи учрежденія и первоначальнаго устройства Св. Синода и преобразовательной по отношенію къ церкви дѣятельности Петра, обязанъ былъ представить историческій очеркъ прогрессивнаго въ XVII в. движенія въ церковномъ строѣ и управленіи, въ отношеніяхъ государства къ церковнымъ установленіямъ и къ разнымъ сторонамъ религіозно-нравственной жизни различныхъ классовъ членовъ церкви, движенія, имѣющаго по своему содержанію несомнѣнно историческую связь съ реформаторскими стремленіями Петра, относящимися къ предметамъ того же содержанія. — Припомнимъ узаконенія Уложенія 1649 г. о Монастырскомъ приказѣ и о церковныхъ вотчинахъ, — постановленія объ епархіяхъ, о монашествующихъ, священнослужителяхъ и разныхъ сторонахъ церковнаго управленія и религіозной жизни собора 1666—1667 гг., проэкты, предложенные царемъ Осодоромъ Алексѣевичемъ въ

1681 г. собору 1682 г., объ улучшеніи общаго строя церкви въ отношеніи дѣленія ея на епархіи, о мѣрахъ къ поддержанію благочинія въ средѣ монашества и клира, объ организаціи благотворительности и объ охраненіи святости храмовъ и постановленія собора по содержанію проэктовъ царя объ этихъ предметахъ [1]). Отдѣльные патріархи—Никонъ (исправленіе богослужебныхъ книгъ), въ особенности Іоакимъ и даже Адріанъ, въ первые годы своего патріаршества [2]), принимали мѣры къ возвышенію благоустройства и благочинія въ различныхъ учрежденіяхъ церкви и въ разныхъ сторонахъ религіозно-нравственной жизни. Припомнимъ также, что во второй половинѣ XVII в. образовался въ русской церкви особый видъ «соборовъ изъ прилучившихся въ Москвѣ архіереевъ». Патріархи или даже и мѣстоблюстители патріаршаго престола приглашали къ себѣ на «соборъ» «прилучившихся въ Москвѣ архіереевъ» (постоянно жившихъ, какъ митрополитъ крутицкій, «архангельскій епископъ» — изъ грековъ, — случайно пріѣзжавшихъ и, кажется, являвшихся изъ епархій по очереди), совѣщались съ ними и издавали обязательныя постановленія и распоряженія относительно улучшенія и возвышенія различныхъ сторонъ церкви и религіозно-нравственной жизни. Таковые соборы не были ли предшественниками и предвѣстниками «освященнаго собора» епископовъ, учрежденнаго Петромъ при мѣстоблюстителѣ патріаршаго престола Стефанѣ Яворскомъ, — даже «духовнаго собора», какъ Петръ иногда называлъ предполагаемую имъ къ учрежденію Духовную коллегію? — Соборы изъ прилучившихся архіереевъ, составлявшіеся въ Москвѣ во второй половинѣ XVII в., совѣщались объ изысканіи мѣръ къ возвышенію и улучшенію церковнаго управленія, выходя, конечно, изъ сознанія того, что въ русской церкви и въ русскомъ православномъ народѣ столько богатыхъ жизненныхъ силъ, что они требовали для своего проявленія и развитія лучшихъ нормъ и формъ и соотвѣтственной имъ организаціи. Это сознаніе проявлялось и распространялось и въ обществѣ. И. Т. Посошковъ въ «Завѣщаніи отеческомъ» предлагаетъ своему сыну, если онъ будетъ настоятелемъ монастыря или архіереемъ, замѣчательныя наставленія касательно отправленія должностныхъ обязанностей и дѣйствій власти, ясно показывающія, что эти должностныя лица, и при существованіи условій того времени, могли усовершать разныя стороны церковнаго управленія. Еще болѣе развивалось сознаніе необходимости возвышенія и улучшенія церковнаго строя и управленія въ такихъ лицахъ, которыя имѣли возможность

1) Гр. Воробьева, О московскомъ соборѣ 1681—1682 гг. СПб., 1885; Николая Виноградскаго «Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 г. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія». Смоленскъ. 1899.

2) Указъ о непремѣнномъ испрашиваніи при бракосочетаніи у жениха и невѣсты добровольнаго согласія на вступленіе въ бракъ, послужившій исходнымъ началомъ для узаконеній Петра по брачному праву.

ознакомиться съ идеями и началами государственнаго права и законодательствъ въ европейскихъ странахъ объ отношеніяхъ государства къ церкви и объ устройствѣ церкви или изъ книгъ, или при путешествіяхъ и во время пребыванія по должности въ Европѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ, какъ напримѣръ — князь Д. М. Голицынъ (1665—1737 гг.) имѣлъ въ своей библіотекѣ сочиненія Томазія, Гуго-Гроція, Локка и Пуффендорфа. Изъ этихъ книгъ онъ могъ усвоить себѣ идеи объ устройствѣ церкви, какое на западѣ Европы считалось наилучшимъ, и сообщать эти идеи духовнымъ лицамъ, съ которыми онъ велъ знакомство (и между прочими съ молодымъ іеромонахомъ, профессоромъ академіи Ѳеофаномъ Прокоповичемъ) въ бытность свою генералъ-губернаторомъ въ Кіевѣ (1708—1721 гг.).—Петръ I всталъ во главѣ и властнымъ иниціаторомъ въ XVIII вѣкѣ того прогрессивнаго движенія въ русской церкви, которое началось и проявлялось въ XVII в. и сочувствіе къ которому онъ надѣялся найти и въ лучшей части духовенства и общества.

Авторъ монографіи, написавши «мрачную картину церковной жизни» XVII и первой четверти XVIII вв., на страницѣ 19-ой поставилъ вопросъ: «Какая была причина этого?». И отвѣчаетъ: «Причина крылась въ исторически сложившихся стремленіяхъ нашего духовенства къ увлеченію экономическими сторонами жизни...» «Именно экономическія стремленія и сдѣлались цѣлью долгой вѣковой дѣятельности нашего духовенства». — Указаніе г. Рункевича означенной причины общаго неудовлетворительнаго состоянія русской церкви въ «долгій вѣковой» періодъ времени есть новость, въ церковноисторической литературѣ впервые являющаяся. — Самостоятельно она извлечена г. Рункевичемъ изъ историческихъ фактовъ или выражена подъ вліяніемъ нѣкіихъ восклицаній въ наше время по направленію къ приходскому духовенству: «все — доходы, все давай содержаніе?» Если г. Рункевичъ самостоятельно отыскалъ означенную причину нестроеній въ церкви и религіозной жизни русскаго народа; то онъ обязанъ былъ объосновать свое открытіе твердыми доводами и несомнѣнными немалочисленными историческими фактами. Такъ какъ открытія и въ исторической наукѣ — не часты; то мы провѣримъ степень основательности приведенныхъ авторомъ книги доказательствъ отысканной имъ «причины», «кроющейся» въ экономическихъ стремленіяхъ долгой вѣковой дѣятельности нашего духовенства» и въ «увлеченіи его экономическими сторонами жизни». Авторъ приводитъ слѣдующія доказательства открытой имъ причины:

а) «Архіереи, говоритъ онъ, въ изысканіи источниковъ на постройку новой церкви или на обогащеніе старой убогой, не задумывались иногда давать свое разрѣшеніе «происки вать явленія иконъ въ пустынѣ или при источникѣ» и объявлять такую «происканную» икону чудотворною для при-

влеченія на церковь приношеній отъ богомольцевъ». Это «историческое» свѣдѣніе автора подтверждается ссылкою на П(олное) С(обраніе) П(остановленій) (по вѣдомству прав. исп.) т. I, 1. Подъ этою цифрою помѣщенъ Духовный Регламентъ. Въ немъ, при исчисленіи дѣлъ, подлежащихъ управленію Духовнаго Коллегіума и «смотрѣнію», въ п. 8 (страп. 7) говорится. «Еще сіе наблюдать, чтобъ, какъ дѣлось, впредь бы то небыло: понеже сказуютъ, что нѣціи архіереи, для вспоможенія церквей убогихъ, или новыхъ построенія, повелѣвали пронсковать явленія иконы въ пустынѣ, или при источницѣ, и икону оную за самое обрѣтеніе свидѣтельствовали быти чудотворною». Сличеніе того, что говорится въ Регламентѣ, съ сообщеніемъ г. Рункевича убѣждаетъ насъ, что авторъ книги выдаетъ за общераспространенный дѣйствительный историческій фактъ то, что составитель Регламента слышалъ изъ «сказанія» о нѣціихъ архіереяхъ», то есть — преувеличиваетъ и черезчуръ усиливаетъ сказанное въ первоисточникѣ, изъ котораго черпаетъ свое свѣдѣніе. Притомъ, «сказаніе» едва ли слѣдуетъ считать настолько достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, чтобы на немъ основывать такой общій принципъ, для доказательства котораго оно приводится.—Тѣмъ сомнительнѣе «сказаніе», что оно не подтверждается со стороны составителя Регламента никакимъ историческимъ фактомъ и что преосв. Θеοфанъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего произведенія несомнѣнно «увлекался» въ изображеніи приводимыхъ имъ свѣдѣній (напр. относительно современныхъ ему проповѣдниковъ церковныхъ). Къ тому же, приведенными словами Регламента удостовѣряется не «увлеченіе духовенства экономическими сторонами жизни», а свидѣтельствованіе архіереями чудотворныхъ иконъ «за самое ихъ обрѣтеніе» и нужда «вспоможенія» «убогимъ церквамъ» и «построенія новыхъ». Такимъ образомъ первое, приводимое г. Рункевичемъ, доказательство въ пользу его открытія «причины» неустройства церковной жизни XVII и начала XVIII в. намъ представляется неубѣдительнымъ.

б) Вторымъ доказательствомъ приводится г. Рункевичемъ «обличительный голосъ изъ петровскаго времени», который «говорилъ: «пастыри наши не о паствѣ своей заботятся, но о золотѣ и серебрѣ, о зданіяхъ и номѣстьяхъ, объ украшеніи ризъ». Приводя эти слова, г. Рункевичъ цитируетъ «С. Соловьевъ, Ист. Россіи XIII, 777», не указывая изданія. Въ цитируемомъ томѣ изданія М. 1863 г. всего 388 страницъ, и приведенныхъ г. Рункевичемъ словъ мы не нашли. Но если онѣ и находятся въ цитируемомъ томѣ имѣющагося подъ руками г. Рункевича изданія, то онѣ никакъ не могли быть обращены ко всему «духовенству» или «ко всему клиру», — въ особенности къ приходскому духовенству селъ и небогатыхъ городовъ.

в) Въ видѣ третьяго доказательства открытой г. Рункевичемъ «причины» неустройствъ церковной жизни XVII в. онъ удостовѣряетъ, что «соборъ 1667 года нашелъ нужнымъ напомнить священству, чтобы оно не торговало церковію Христовою», и ссылается на «Ист. Россіи» т. XIII, 739». Мы нашли въ XIII т. Исторіи С. М. Соловьева на стр. 146-ой слѣдующее: «соборъ 1667 г. постановляетъ, чтобъ священники учили дѣтей своихъ и приготовляли ихъ такимъ образомъ на свои мѣста, а не оставляли дѣтей своихъ наслѣдниками мамонѣ, не торговали Христовою церковію, не допускали ставить въ священство сельскихъ невѣждъ, изъ которыхъ иные и скота пасти не умѣютъ, не только людей: отсюда въ церкви Божіей мятежи и расколы». С. М. Соловьевъ, приведя эти слова, ссылается на П. С. зак. № 412. Въ полномъ собраніи помѣщена «Выписка изъ дѣяній Собора» 1667 г. Въ ст. 29-ой этой выписки отъ собора говорится: «повелѣвасмъ еще къ сему, яко да всякій священникъ дѣтей своихъ научаетъ грамотѣ и страху Божію и всякому церковному благочинію, со всякимъ прилежаніемъ, яко да будутъ достойни въ воспріятіе священства, и наслѣдницы по нихъ будутъ церкви и церковному мѣсту; а не оставляти имъ дѣтей своихъ мамонѣ, а церковь Христову корчемствовати и во священство поставлятися сельскимъ невѣждамъ (иже иніи ниже скоты пасти умѣютъ, кольми паче людей); тѣмъ убо бываютъ въ церкви Божіей мятежи и расколы». Изъ сравненія вышеприведенныхъ С. М. Соловьевымъ словъ съ подлиннымъ соборнымъ постановленіемъ оказывается, что знаменитый историкъ нѣсколько измѣнилъ смыслъ постановленія собора, приписавъ ему мысль — запрещенія священникамъ — оставлять дѣтей своихъ наслѣдниками мамонѣ, и замѣнилъ слова собора «Церковь Христову корчемствовати» словами, чтобы священники не торговали Христовою церковію». Г. Рункевичъ, не справившись съ подлиннымъ постановленіемъ собора, извлекаетъ изъ рѣчи Соловьева измѣненное имъ выраженіе постановленія и сообщаетъ ему смыслъ, не соотвѣтственный точному пониманію соборнаго правила. Соборъ повелѣваетъ священникамъ — приготовлять своихъ дѣтей къ воспріятію священства, съ тѣмъ, чтобы они могли бы достойными наслѣдниками (преемниками) ихъ церкви и церковнаго мѣста, — но не предоставляли бы дѣтямъ своимъ, для пріобрѣтенія земныхъ выгодъ, избѣгать церковнаго служенія и чрезъ то — не допускали бы другимъ лицамъ, неприготовленнымъ къ достойному воспріятію священства, «сельскимъ невѣждамъ», церковь Христову корчемствовать и въ священство поставляться. Соборъ, своимъ постановленіемъ повелѣвая всякому священнику приготовлять дѣтей своихъ чрезъ ученіе грамотѣ, страху Божію и церковному всякому благочинію къ достойному воспріятію священства, тѣмъ самымъ признаетъ духовенство своего времени

способнымъ къ такому въ высшей степени важному дѣлу и скорѣе свидѣтельствуетъ о достоинствахъ его, чѣмъ набрасываетъ тѣнь на его неправильныя отношенія къ служенію церкви. Во всякомъ случаѣ, въ приведенномъ постановленіи нѣтъ и намека объ «увлеченіи» священниковъ XVII в. «экономическими сторонами жизни», о заботахъ «о зданіяхъ и помѣстьяхъ, о золотѣ и серебрѣ и т. п.

Такимъ образомъ всѣ три свидѣтельства, приведенныя г. Рункевичемъ въ доказательство существованія открытой имъ «причины» нестроеній въ церкви и въ религіозной жизни народа, намъ представляются недостаточными и по числу, и по основательности. Но г. Рункевичъ, изложивъ эти свидѣтельства, высказывается: «Впечатлѣніе получалось такое, какъ будто весь клиръ имѣетъ одну цѣль — пріобрѣсть какъ можно болѣе, «не задумываясь надъ тѣмъ, какимъ путемъ идетъ къ нему (лично?) земное достояніе и куда уходитъ» (стр. 19—20). Такъ г. Рункевичъ въ доказательство «увлеченія духовенства экономическими сторонами жизни» излагаетъ не историческіе достовѣрные факты, а чьи-то впечатлѣнія. «Откуда авторъ книги узналъ, что «весь клиръ увлекался единственною «цѣлью пріобрѣсть какъ можно болѣе, не задумываясь надъ тѣмъ — какимъ путемъ идетъ къ нему земное достояніе и куда уходитъ?». Въ приведенныхъ имъ историческихъ свидѣтельствахъ нѣтъ во все указаній на увлеченіе экономическими сторонами жизни «всего клира». Нѣтъ историческихъ свидѣтельствъ и указаній относительно того, чтобы и Петръ высказалъ когда либо свое наблюденіе о таковомъ увлеченіи «всего клира». И самъ г. Рункевичъ, изображая на стр. 6—10 «мрачную картину» состоянія приходскаго духовенства XVII в., ни единою строкою не коснулся «экономическаго» его состоянія и зависимаго отъ него общественнаго, гражданскаго, политическаго и церковнаго положенія (въ отношеніяхъ къ начальствующимъ лицамъ). Положеніе это было ужасное и безотрадное въ самомъ точномъ смыслѣ, — создавшееся прикрѣпленіемъ лицъ священническаго, діаконскаго и причетническаго званія къ полной всесторонней подчиненности іерархамъ и ихъ представителямъ, совершенною зависимостію въ экономическомъ отношеніи отъ прихожанъ и владѣльцевъ тѣхъ земель, на которыхъ прихожане имѣли свое мѣстожительство, и непреодолимымъ почти стѣсненіемъ дѣтей духовенства въ свободномъ выборѣ рода жизни внѣ церковной службы — законодательнымъ запрещеніемъ принимать ихъ на государственную службу (въ подъячіе и приказные), такимъ усиленіемъ крѣпостнаго состоянія крестьянъ и такимъ увеличеніемъ тягостей посадскаго населенія, которое отнимало у дѣтей духовенства всякую охоту къ поступленію ихъ въ классъ крестьянъ и горожанъ. Въ такомъ то положеніи «всего клира» и дѣтей «всего духовенства» и заключается главная «причина» неустройствъ въ

церкви и въ религіозной жизни русскаго народа второй половины XVII в., а не «въ стремленіяхъ» духовенства «къ увлеченію экономическими сторонами жизни». — Если же достовѣрны вышеприведенныя изъ книги г. Рункевича слова «обличительнаго голоса петровскаго времени: «пастыри наши не о паствѣ своей заботятся, но о золотѣ и серебрѣ, о зданіяхъ и помѣстьяхъ (?!), объ украшеніи ризъ», — то онѣ могутъ быть относимы лишь къ пастырямъ такихъ церковныхъ учрежденій (патріаршаго и архіерейскихъ домовъ, богатыхъ монастырей и нѣкоторыхъ соборовъ), которыми принадлежали обширныя и многонаселенныя земельныя владѣнія. Но съ возстановленіемъ въ 1700 г. Монастырскаго Приказа едва ли могъ раздаваться и относительно ихъ «обличительный голосъ петровскаго времени;» такъ какъ, весьма хорошо извѣстно г. Рункевичу, они лишены были государственною властію всякаго права распоряжаться доходами отъ церковныхъ вотчинъ, которыя поступили въ полное завѣдываніе означеннаго приказа и назначенныхъ имъ коммиссаровъ, управителей и комендантовъ вмѣсто посельскихъ старцовъ и прикащиковъ, управлявшихъ въ XVII в. по назначенію церковныхъ властей отдѣльными селами вотчинами монастырей и архіерейскихъ домовъ и, по распоряженіямъ приказа, немедленно высланныхъ изъ имѣній, бывшихъ въ ближайшемъ ихъ завѣдываніи. — Посему жалобы монастырскихъ крестьянъ на «непомѣрныя взятки» и на «утѣсненія» разнаго рода «комендантовъ», «комиссаровъ», «стряпчихъ» и другихъ лицъ, описанныя г. Рункевичемъ на стр. 20—21 его книги, относящіяся ко времени 1701—1720 гг., должны быть поставлены на счетъ управителей не церковныхъ учрежденій, а назначенныхъ распоряженіями государственныхъ властей.—Не духовенство начала XVIII в. увлекалось экономическими сторонами жизни, а Петръ I, его «прибыльщики» государственной казны и нѣкоторые его сподвижники (гр. А. И. Мусинъ — Пушкинъ, А. Д. Меньшиковъ и др.) увлекались предположеніями, что въ земельныхъ владѣніяхъ церковныхъ учрежденій заключается неисчерпаемое богатство средствъ, достаточныхъ для веденія войнъ и для удовлетворенія разнообразныхъ государственныхъ нуждъ. Въ этихъ предположеніяхъ въ началѣ XVIII в. налагались на крестьянъ церковныхъ вотчинъ многочисленныя подати и повинности въ пользу государства, а управители этихъ вотчинъ старались безъ стѣсненій извлекать изъ нихъ значительныя выводы и для себя. Въ силу тѣхже предположеній и церковныя «преобразованія начались при Петрѣ, какъ заключаетъ г. Рункевичъ первую главу своей монографіи, со стороны имущественной, экономической», направленныя на вотчины церковныхъ установленій».

Сдѣланныя нами замѣчанія на первую главу книги г. Рункевича, которыя могутъ быть еще увеличены подобными имъ указаніями на нѣкото-

рыя частности въ ней, даютъ намъ основаніе высказать, что эта глава составлена авторомъ сравнительно со всѣми прочими менѣе удовлетворительно. Извиненіями автору въ недостаткахъ ея служитъ какъ то, что состояніе русской церкви во второй половинѣ XVII в. невсесторонне и недостаточно выяснено въ церковноисторической литературѣ, такъ и то, что авторъ слишкомъ довѣрчиво склонился къ воззрѣніямъ на это состояніе реформаторовъ русской церкви XVIII в. и писателей, односторонне оправдывавшихъ церковныя реформы Петра исключительно бывшими въ XVII вѣкѣ «многими нестроеніями въ духовномъ чинѣ и великою въ дѣлахъ скудостію», какъ это выражено въ манифестѣ объ учрежденіи Св. Синода.

Во второй главѣ (стр. 22—94), предметъ которой составляютъ «преобразованія въ строѣ церковной жизни въ царствованіе Петра Великаго за время до учрежденія св. Правительствующаго Синода», авторъ монографіи показываетъ отношенія Петра къ патріарху Адріану, старается очертить «характеръ петровыхъ преобразованій», довольно полно излагаетъ содержаніе преобразовательныхъ указовъ Петра и измѣненій, происшедшихъ въ теченіи 1700—1720 гг. въ личномъ составѣ высшаго церковнаго управленія и въ отношеніяхъ государства къ инославнымъ вѣроисповѣданіямъ; сообщаетъ много неизвѣстныхъ доселѣ въ печати свѣдѣній о сношеніяхъ правительства съ заграничными православными церквами и учрежденіями; излагаетъ мѣры, предпринятыя для побужденія членовъ церкви къ исполненію долга исповѣди, для устраненія нѣкоторыхъ явленій, несоотвѣтственныхъ христіанской жизни, для подъема образованія духовенства и для поддержанія религіозно-нравственнаго настроенія въ населеніи, для лучшаго управленія епархій архіереями, для устройства приходовъ и для умепьшенія лицъ, числившихся въ вѣдѣніи церковныхъ властей; очерчиваетъ дѣятельность Монастырскаго приказа; предлагаетъ живой очеркъ біографіи мѣстоблюстителя патріаршаго престола, митрополита рязанскаго Стефана Яворскаго, его положенія, дѣятельности и отношеній въ этомъ санѣ къ монарху до 1719 г. и выясняетъ подготовительныя къ учрежденію Св. Синода условія, сложившіяся въ періодъ 1700—1719 гг. въ строѣ и управленіи церкви. — Написана вся глава занимательно; читается съ интересомъ; фактическихъ свѣдѣній собрано очень много; изложены онѣ въ порядкѣ. Сдѣлаемъ лишь два замѣчанія. Вопервыхъ, изображеніе отношеній Петра I къ патріарху Адріану, по сохранившимся матеріаламъ и историческимъ свѣдѣніямъ, могло бы быть гораздо полнѣе, чѣмъ какъ предложено у автора. Второе замѣчаніе касается «характера преобразованій Петра». Мы совершенно согласно съ г. Рункевичемъ отрицаемъ выраженную г. Кедровымъ въ его сочиненіи «Духовный Регламентъ» мысль—«будто до учрежденія синода всѣ распоряженія Петра относительно церкви представляютъ

изъ себя такой хаосъ, въ которомъ, повидимому, совершенно не было какой либо одной руководящей нити и цѣли». Мы вполнѣ согласны съ г. Рункевичемъ въ томъ, что причиною петровыхъ преобразованій въ церковной жизни, какъ и всѣхъ вообще реформъ этого великаго государя, было стремленіе къ общему благу, къ устраненію своекорыстныхъ злоупотребленій, и сознаніе своей царской отвѣтственности предъ Богомъ, такъ прямо выраженное въ манифестѣ объ учрежденіи Синода». Но мы отрицаемъ мысль г. Рункевича, что въ «церковныхъ реформахъ Петра не было системы». Мы рѣшительно утверждаемъ, что во всѣхъ реформахъ Петра, государственныхъ и церковныхъ, выражалась цѣльная система его политическихъ воззрѣній, сознательно, примѣнительно къ потребностямъ и теченію современной ему жизни и настойчиво проводившихся и основанныхъ на опредѣленныхъ принципахъ. Онъ зналъ преобразовательныя попытки XVII вѣка въ русскомъ государствѣ и въ отношеніяхъ его къ церкви. Чѣмъ объяснить немедленное и рѣшительное по смерти патріарха Адріана возстановленіе Петромъ Монастырскаго приказа, какъ не тѣмъ, что онъ зналъ о существованіи его по Уложенію 1649 года, и имѣлъ въ сознаніи своемъ созрѣвшій опредѣленный политическій принципъ касательно отношеній государства къ церковнымъ имуществамъ? — Чѣмъ можно объяснить распорядительные указы Петра о назначеніи мѣстоблюстителя патріаршаго престола, учрежденія «освященнаго собора» при немъ изъ очередныхъ архіереевъ, о вѣротерпимости къ иностраннымъ исповѣданіямъ, о формѣ и условіяхъ заключенія браковъ и т. п., какъ не тѣмъ, что принципы, выраженные въ его указахъ, примѣнялись въ Россіи и до него и ему были извѣстны? — Въ виду разныхъ неустройствъ и малой скудости въ дѣлахъ въ государствѣ и церкви и въ сознаніи долга служить благу государства и народа, Петръ сознавалъ необходимость — дать возможно сильное движеніе тому прогрессивному теченію государственной и церковной жизни, начало котораго слабо проявлялось до его времени. Ставши единовластителемъ и единоличнымъ самодержцемъ Россіи, онъ съ 1696 г. во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ выражалъ принципъ верховной власти въ отношеніи ко всѣмъ сторонамъ государственной и народной жизни. Задумываясь надъ преобразованіями въ государствѣ своемъ, Петръ I, какъ несомнѣнно извѣстно, при сношеніяхъ съ иностранцами въ Россіи, во время своихъ путешествій по европейскимъ странамъ, по предложеніямъ и по запискамъ, которыя ему подавались объ улучшеніи разныхъ сторонъ въ государствѣ, знакомился съ господствовавшими въ его время въ наукѣ и въ законодательствахъ западной Европы политическими воззрѣніями и принципами. Петру и нѣкоторымъ его сподвижникамъ были извѣстны сочиненія Бодена, Гуго Гроція, Гоббеза, Спинозы, Пуффендорфа, Томазія и Лейбница. Въ нихъ проводи-

лись новыя политическія воззрѣнія на природу и назначеніе государства, на существо права, о верховенствѣ монарховъ, о видахъ ихъ верховной власти, объ отношеніяхъ государей и государствъ къ церкви и различнымъ вѣроисповѣданіямъ, объ устройствѣ государственныхъ и церковныхъ учрежденій; о правахъ и «должностяхъ» подданныхъ въ отношеніяхъ къ монархамъ и государству и т. п. Эти воззрѣнія чрезъ книги и чрезъ университетскія каѳедры проникали въ общество, распространялись въ народахъ, усвоялись людьми, посвѣщавшими себя на службу государству, принимались государственными людьми и монархами и приводились въ законодательства. Съ половины XVII вѣка создалась въ наукахъ государственнаго и церковнаго права западной Европы теорія о «территоріальной системѣ» государственнаго устройства и управленія и отношеній государства къ церкви. Основныя начала этой теоріи — слѣдующія: Всякому государству, заключающемуся въ опредѣленной территоріи, свойственно верховенство правъ и власти, — независимо отъ главы римскокатолической церкви, считающаго себя духовнымъ главою всего христіанскаго міра, и отъ «императора священной римской имперіи». Монарху страны принадлежатъ всѣ виды верховной власти (imperium summarum potestatum) въ своей странѣ въ отношеніи всѣхъ сторонъ и по всѣмъ предметамъ государственной и народной жизни. Онъ имѣетъ право самостоятельно и независимо издавать законы объ устройствѣ каждой стороны жизни въ ея цѣломъ содержаніи, и по частямъ, — то есть издавать и общіе законы о томъ или другомъ предметы, и частные. Онъ — верховный правитель страны и верховный «крайній судія», на рѣшеніе котораго не можетъ быть аппелляціи ни къ какой власти, внѣ его государства находящейся Монархъ можетъ передавать въ той ли другой долѣ часть того или другаго вида своей власти, — делегировать, поручать ее уполномочиваемому отъ него лицу или учрежденію. Онъ назначаетъ лицъ, изыскивающихъ прибыли или пользу государственной казнѣ, наблюдающихъ за интересами государства и получающихъ право представлять и предлагать ему свои мѣры и соображенія объ улучшеніи того или другого государственнаго дѣла. Во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ монархъ руководствуется исключительно заботами о благѣ государства и всего населенія страны. Къ религіи и церкви, въ предѣлахъ государства существующей, монархъ также относится, какъ и къ другимъ сторонамъ и предметамъ народной и государственной жизни; такъ какъ вѣроисповѣданіе народа и устройство религіознаго общества или церкви есть одна изъ сторонъ народной и государственной жизни. Особенности отношеній монарха къ религіи и церкви сравнительно съ отношеніями къ другимъ сторонамъ жизни народа и государства стоятъ въ зависимости отъ существа религіи и церкви. Религія, какъ способность личныхъ стремленій человѣка къ Богу,

есть дѣло совѣсти каждаго отдѣльнаго подданнаго въ государствѣ; надъ совѣстью людей властенъ одинъ Богъ; въ религіозно-нравственное настроеніе людей, ихъ религіозныя вѣрованія государственная власть не вмѣшивается. Но религія, какъ вѣроисповѣданіе, котораго держатся многочисленные подданные въ государствѣ, какъ учрежденіе, нуждающееся во внѣшней организаціи, какъ вѣроисповѣдный союзъ, религіозное общество, церковь, по своему устройству, управленію, внѣшнимъ проявленіямъ и отношеніямъ въ народѣ составляетъ по необходимости предметъ попеченій государственной власти; такъ какъ устройство, управленіе и отношенія всякаго въ территоріи общества, составляя предметъ и содержаніе формъ и нормъ права, должны быть организованы въ согласіи съ общимъ строемъ государства и съ общимъ благомъ народа. Приведенныя положенія территоріальной системы отношеній государства къ церкви во второй половинѣ XVII в., развивавшіяся въ наукѣ права, принимались всѣми просвѣщенными людьми того времени и проводились въ законодательства нѣкоторыхъ государствъ западной Европы съ тѣми или другими видоизмѣненіями. Въ видоизмѣненіяхъ совершалось дальнѣйшее развитіе основныхъ началъ территоріальной системы. Существенныя видоизмѣненія состояли въ томъ, что лица, назначавшіяся монархомъ въ завѣдываніи тою или другою стороною, тѣмъ или другимъ учрежденіемъ государства, получали отъ нихъ для руководства въ своей дѣятельности опредѣленные законы и правила, а не личныя лишь порученія, и стали замѣняться установленіями, въ личный составъ которыхъ входило нѣсколько равноправныхъ сослуживцевъ. Такія установленія получали названія совѣтовъ, коллегій, консисторій и т. п. Должностныя лица этихъ учрежденій должны имѣть совмѣстныя совѣщанія, «конзилія (consilia), составлять засѣданія (concilia) для обсужденія и направленія дѣлъ, имъ порученныхъ, и, какъ равноправныя, назывались каллегами. Система устройства церкви и отношеній къ ней государства съ учрежденіемъ въ ней для правительственныхъ отправленій коллегій получила названіе коллегіальной. Коллегіальная система устройства церкви научнымъ образомъ была обоснована съ особенною ясностію знаменитымъ нѣмецкимъ юристомъ Пуфендорфомъ въ его сочиненіи: De habitu religionis christianae ad vitam civilem, вышедшемъ въ 1686 г., и стала проводиться въ законодательство и въ жизнь въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы съ самаго конца XVII и въ первой четверти XVIII в. Въ сочиненіяхъ, развивавшихъ эту систему, сама церковь понимается какъ collegium, — то есть, общество или союзъ одинаково настроенныхъ и мыслящихъ людей. По этой системѣ, высшая правительственная власть церкви должна сосредоточиваться въ особой Духовной Коллегіи, которая въ большей части протестантскихъ странъ сохранила за собою названіе Генеральной или Оберъ-консисторіи. Составныя

части церкви — общины, — или приходы; каждая община (Gemeinde) имѣетъ значеніе коллегіи. Въ личный составъ высшей правительственной Духовной Коллегіи должны входить съ равноправностію представители общинъ, учительнаго класса (пасторы) и государственнаго правительства. Духовная Коллегія должна дѣйствовать по Уставу или Регламенту, — изданному законодательною властію страны. Верховному главѣ государства принадлежитъ верховный надзоръ за дѣятельностію Коллегіи, который можетъ быть отъ монарха поручаемъ въ ней особому, уполномоченному отъ него, лицу съ опредѣленными правами и обязанностями. Территоріальная и коллегіальная системы устройства церкви и отношеній къ ней государства и въ научныхъ сочиненіяхъ, и въ законодательствахъ, и въ примѣненіи къ жизни соединялись, сходились и перемѣшивались въ частностяхъ, тѣмъ болѣе, что коллегіальная система во все не исключала нѣкоторыхъ положеній системы территоріальной [1]). — Петръ I въ первый разъ путешествовалъ въ Европѣ въ концѣ XVII в. и жилъ довольно долгое время въ Голландія, которая была отечествомъ знаменитаго ученаго Гуго Гроція, написавшаго сочиненіе — De imperio summarum potestatum circa sacra, во второй половинѣ XVII в. распространившееся не только въ Голландіи, но и во всѣхъ странахъ Европы, въ нѣсколькихъ изданіяхъ (Par. 1648, Hagae 1652, 1661 (4 ed.), Amst. 1677, Beankf. 1690 [2])). Въ сочиненіи Гуго-Гроція развиваются тѣ положенія, которыя въ своей совокупности и взаимной связи и составляютъ территоріальную систему отношеній государства къ церкви. Быть не можетъ, чтобы русскій Государь, во время пребыванія своего въ Голландіи и путешествія по другимъ странамъ Европы, не ознакомился съ идеями Гуго Гроція и его послѣдователей, усвоившихъ тѣ же идеи.

Самодержецъ всея Россіи, великій Петръ не могъ усмотрѣть въ территоріальной системѣ устройства церкви и отношеній къ ней монарха ничего такого, что было бы несогласно и не совпадало бы съ русскими воззрѣніями на царскую власть въ отношеніи ея къ такимъ сторонамъ и предметами народной жизни, которые по самому своему существу не относятся къ вѣроученію и Богослуженію церкви. Усвоивъ идеи территоріальной системы, Петръ I выражалъ ихъ во всѣхъ повелѣніяхъ и указахъ, которые онъ издавалъ по запросамъ, обращеннымъ къ нему по случаю тѣхъ или другихъ происшествій въ церковной жизни, или въ виду такихъ потребностей государства, къ удовлетворенію которыхъ могли служить предметы или

---

1) «Пуффендорфъ-коллегіалистъ съ территоріалистическою модификаціею, а Томазій-строгій или рѣзкій территоріалистъ съ коллегіалистическою модификаціею», Dr. Ph. Zorn, въ Lehrbuch des Kirchenrechts, Stuttgart, 1888, s. 158 примѣч.

2) См. Geschichte der Quellen und Litheratur des Canonischen Rechts, von Dr. Er. von Schulte, Dritter Band, Stuttgart, 1880, S. 263—264.

лица, состоявшія до него въ вѣдѣніи церковной власти. Въ высшей степени замѣчательно, что Петръ не замедлялъ своими указами и повелѣніями на доношенія и запросы къ нему относительно церковныхъ дѣлъ. Ясно изъ этого, что Петръ руководился въ отношеніяхъ своихъ къ церкви во время реформаторской своей дѣятельности готовыми у него опредѣленными принципами. Эти принципы были идеи территоріальной системы. Ими объясняется вся реформаторская дѣятельность Петра въ отношеніи къ церкви до учрежденія Св. Синода. Но съ идеями территоріальной системы Петръ съ теченіемъ времени соединилъ и идеи системы коллегіальной, которой онъ сталъ отдавать предпочтеніе въ устроеніи государственныхъ и церковныхъ учрежденій [1]). Съ выяснепной нами точки зрѣнія на реформаторскую дѣятельность Петра можно было бы сдѣлать С. Рункевичу нѣсколько указаній на нѣкоторыя частныя его мысли, выраженныя во второй главѣ его монографіи, но оставляемъ ихъ въ виду избѣжанія слишкомъ обширной нашей рецензіи.

Третья глава (стр. 94—163) монографіи г. Рункевича посвящена историческому изложенію «учрежденія св. правительствующаго Синода». Въ ней авторъ, высказавъ, что наступило время образованія государственныхъ коллегій и приведя резолюцію Государя 20 ноября 1718 года на докладѣ митр. Стефана о необходимости разрѣшенія многихъ назрѣвшихъ церковныхъ вопросовъ и дѣлъ: «для лучшаго впредь управленія мнится быть удобно духовной коллегіи, дабы удобнѣе такія великія дѣла исправлять было возможно», предлагаетъ біографическій очеркъ получившаго отъ Государя порученіе «написать для главной церковной коллегіи или консисторіи регламентъ» [2]) Ѳеофана Прокоповича, со включеніемъ враждебныхъ отношеній къ нему и интригъ противъ него Ѳеофилакта Лопатинскаго, Гедеона Вишневскаго и Стефана Яворскаго, неудачно старавшихся обвинить его въ неправославіи; сообщаетъ свѣдѣнія о литературныхъ его трудахъ и о сочиненіи Духовнаго Регламента; излагаетъ содержаніе Регламента, Манифеста объ его обнародованіи и Клятвеннаго обѣщанія будущихъ членовъ Св. Синода, — и за тѣмъ весьма обстоятельно, со многими подробностями, впервые въ печати обнародовываемыми, въ высшей степени занимательно разсказываетъ, какъ бы очевидецъ — свидѣтель и современникъ, о разсмот-

---

1) Въ библіотекѣ кн. Д. М. Голицына были русскіе переводы Томазія, Гуго Гроція и Пуффендорфа (Древняя и Новая Россія, окт. 1879, стр. 22—26. Петръ I имѣлъ обыкновеніе совѣтоваться съ Голицынымъ о новыхъ предпріятіяхъ и выслушивалъ его мнѣнія. По повелѣнію Петра I «Краткая политика Пуффендорфа была переведена на русскій языкъ, по Дух. Регламенту введена была въ число учебныхъ предметовъ епархіальныхъ училищъ (П. Собр. Постан. стр. 19 п. 10 § ст. 6) и преподавалась въ духовныхъ семинаріяхъ XVIII в. (Рязанскія епарх. вѣдом. 1878 № 10 стр. 329).

2) Слова самаго преосв. Ѳеофана на стр. 112—113.

рѣніи Регламента Петромъ, о чтеніи и редактированіи его въ Сенатѣ въ присутствіи Государя и архіереевъ, о посылкѣ одного изъ экземпляровъ его въ Москву, Казань и Вологду для подписанія архіереями, архимандритами и игуменами, о ходѣ этого подписанія, о назначеніи «коллегіатовъ», о торжественномъ открытіи Св. Синода, о первыхъ его засѣданіяхъ, объ отмѣнѣ возношенія въ церквахъ патріаршаго имени, о сношеніи Петра съ восточными патріархами относительно учрежденія Св. Синода и о составленіи и изданіи «Прибавленія» къ Духовному Регламенту «о пресвитерахъ, діаконахъ, причетникахъ и монахахъ». Эта глава, прекрасно составленная, есть цѣнное пріобрѣтеніе въ церковноисторической литературѣ по новости многихъ сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній, по которымъ съ ясностію открывается, что составленіе и изданіе учредительнаго закона о Св. Синодѣ не есть дѣло только Петра и Ѳеофана, но что Духовный Регламентъ есть великой важности актъ государственнаго и церковнаго законодательства въ Россіи. Въ учиненіи этого акта принимали непосредственное участіе Монархъ, Сенатъ, всѣ архіереи современной русской церкви и настоятели многихъ важнѣйшихъ монастырей. — Мы, нисколько не ослабляя достоинствъ разсматриваемой главы, дозволимъ себѣ нѣсколько частныхъ о ней замѣчаній. Г. Рункевичъ отмѣчаетъ, что Ѳеофанъ Прокоповичъ, будучи въ Кіевѣ, былъ знакомъ съ тогдашнимъ кіевскимъ губернаторомъ кн. Д. М. Голицынымъ; но не знаетъ статьи о кн. Голицынѣ, помѣщенной въ «Древней и Новой Россіи», окт. 1879 г., въ которой сообщается, что въ библіотекѣ князя были русскіе переводы Томазія, Гуго Гроція, Локка и Пуфендорфа. Кто бы могъ перевести ихъ? — Вѣроятно, переводчикомъ былъ Ѳеофанъ. — Авторъ монографіи сомнѣвается (стр. 101), чтобы Ѳеофанъ могъ быть вызванъ въ Петербургъ въ 1715 г. «въ зависимости отъ знакомства государя съ преобразовательнымъ направленіемъ Ѳеофана». Но самъ же г. Рункевичъ на стр. 98 отзывается о немъ: Ѳеофанъ всегда являлся приверженцемъ реформъ и сторонникомъ петровыхъ преобразованій», былъ знакомъ съ кн. Д. М. Голицынымъ и былъ извѣстенъ И. А. Мусину-Пушкину, и даже самому Петру еще до 1715 г. Между тѣмъ время къ общей реформѣ государственныхъ и церковныхъ учрежденій приближалось. Едва ли есть достаточно основаній колебать установившееся воззрѣніе, что Ѳеофанъ вызванъ былъ въ Петербургъ съ вѣдома Государя и съ надеждами на его сподвижничество въ реформахъ. Не даромъ же всполошились Ѳеофилактъ Лопатинскій, Гедеонъ Вишневскій и Стефанъ Яворскій по случаю пребыванія ректора Прокоповича въ С.-Петербургѣ, извѣстнаго имъ своимъ расположеніемъ къ «латынщикамъ» и, по ихъ мнѣнію, зараженнаго «язвою кальвинскою».

Мы очень жалѣемъ, что авторъ монографіи не изложилъ въ ней со-

держанія обвинительныхъ пунктовъ, противъ Прокоповича приведенныхъ въ извѣтѣ Ѳеофилакта и Гедеона, посланномъ Яворскому, и объяснительнаго отвѣта обвинявшагося. При чтеніи стр. 107—111 монографіи чувствуется надобность имѣть подъ руками подлинные «извѣтъ» и «отвѣтъ»; но «Чтенія Общества Ист. и Древностей» 1864 г. и въ цѣлости могутъ быть лишь въ значительныхъ библіотекахъ. На основаніи сравненія содержанія «извѣта» и «отвѣта», а также извѣстныхъ воззрѣній, выразившихся въ сочиненіяхъ Ѳеофана Прокоповича и Стефана Яворскаго, читатель могъ бы убѣдиться, что двѣ враждовавшія въ русской церкви въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. партіи, равно Ѳеоф. Прокоповичъ и Яворскій, въ истинахъ вѣроученія были несомнѣнно православны, — но въ вопросахъ и въ предметахъ церковнаго права разногласили: о. ректоръ Прокоповичъ держался въ отношеніи вопросовъ права прогрессивнаго направленія, созданнаго въ Западной Европѣ философами и юристами XVII в., принадлежавшими къ протестантскому вѣроисповѣданію, — а Яворскій оставался строгимъ консерваторомъ іерархическаго направленія съ нѣкоторымъ наклоненіемъ къ «латынянамъ». — Въ заключеніе нашего разсмотрѣнія третьей главы монографіи позволимъ себѣ указать еще на замѣчаніе г. Рункевича, выраженное имъ по поводу неблагорасположенныхъ отношеній доктора богословія Гедеона Вишневскаго къ ректору Ѳеофану Прокоповичу въ словахъ: «Самая язвительная злоба и зависть это — прикрытая ученымъ дипломомъ» (стр. 106). — Ужели это правда?!

Четвертая глава монографіи-обширнѣе другихъ (стр. 164—230) и, по своему историческому изложенію, какъ и по занимательности содержанія, читается съ величайшимъ интересомъ и быстротою. Ея содержаніе — личный «Составъ Св. Синода». Въ ней впервые въ нашей церковноисторической литературѣ вмѣстѣ, соединенно, изложены біографическіе очерки всѣхъ «коллегіатовъ» Св. Синода въ первыя пять лѣтъ его существованія. Первое мѣсто въ этихъ очеркахъ занимаетъ трогательное, но правдивое изображеніе трагическаго положенія бывшаго единственнымъ въ исторіи «президента» Св. Синода, его смерти и погребенія. Біографія «перваго вицепрезидента», архіепископа Ѳеодосія Яновскаго, довольно подробная (стр. 177—200), составлена живо, характеристично, съ сообщеніемъ очень многихъ новыхъ свѣдѣній, извлеченныхъ преимущественно изъ дѣлъ архива Александроневской лавры и при пользованіи значительною литературою объ изображаемомъ лицѣ, и доведена до смерти Петра Великаго. Затѣмъ, на трехъ страницахъ (206—209) сообщено кратко о сочиненіяхъ, написанныхъ «вторымъ вицепрезидентомъ» Св. Синода преосв. Ѳеофаномъ въ оправданіе и разъясненіе петровскихъ преобразованій, и болѣе подробно о «широкой жизни» его въ Петербургѣ. Біографическіе очерки «совѣтниковъ»

и «ассессоровъ» Св. Синода, бывшихъ при Петрѣ, очень кратки. Такимъ образомъ вниманіе г. Рункевича къ синодальнымъ «каллегіатамъ» — неравномѣрно. Болѣе полные біографическіе очерки «совѣтниковъ» и «ассессоровъ» Св. Синода петровскаго времени, изображеніе взаимныхъ личныхъ отношеній коллегіатовъ: Θеофана и Θеодосія, Θеофилакта и Θеофана, Петра Григорьева и Іоанна Семенова и степень участія и вліянія въ дѣлахъ Св. Синода каждаго изъ нихъ ожидаютъ будущихъ историковъ: матеріаловъ для нихъ сохранилось до нашего времени довольно много, — значительная часть ихъ имѣется уже въ печати, — напримѣръ въ первыхъ четырехъ томахъ «Полнаго Собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству Прав. исповѣданія» и въ «Описаніи дѣлъ архива Св. Синода». Въ собственности желательно видѣть въ печати біографическіе очерки «каллегіатовъ» изъ бѣлаго духовенства: очерки духовныхъ лицъ этого класса изъ XVIII в. крайне рѣдки, между тѣмъ значеніе ихъ въ исторіи духовенства заслуживаетъ изученія. Объ ассессорахъ «протопопахъ» — Петрѣ Григорьевѣ и объ Іоаннѣ Семеновомъ говорится въ очень многихъ NN первыхъ четырехъ томахъ «Описанія» архива Св. Синода (напр. т. II NN 11, 17, 53, 95, 101, 104, 422, 727, 739, 897; т. III NN 63, 125, 321, 374, 400, 442 и др. т. IV NN 4, 34, 201, 356, 387 и т. д.). Авторъ монографіи, нами разсматриваемой, показалъ достойный подражанія историковъ примѣръ въ томъ, чтобы при историческомъ изображеніи правительственныхъ учрежденій (сената, коллегій, комитетовъ) были представлены характерныя личныя особенности членовъ и дѣятелей въ нихъ съ указаніемъ вліянія на направленіе дѣлъ. — Послѣ біографическихъ очерковъ «каллегіатовъ» авторъ сообщаетъ въ тойже главѣ вполнѣ достаточныя для монографіи свѣдѣнія объ ихъ жалованьѣ, квартирахъ и вообще о средствахъ содержанія.

Предметомъ содержанія пятой главы (стр. 231—290) монографіи служатъ «Исполнительные органы Св. Синода и Оберъ-прокуроръ». На основаніи Генеральнаго Регламента, по преимуществу дѣлъ Св. Синода и отчасти практики сената, изложены вполнѣ ясно и отчетливо свѣдѣнія о чинахъ канцеляріи Св. Синода въ періодъ 1721—1725 г. Въ этихъ свѣдѣніяхъ не только перечислены чины и должности въ составѣ канцеляріи, но съ достаточною полнотою говорится о лицахъ, занимавшихъ важнѣйшія изъ нихъ, о правахъ, обязанностяхъ и отношеніяхъ оберъ-секретаря, секретарей, агента или экзекутора, регистратора, актуаріуса и пр.; объ образованіи первоначальнаго состава канцеляристовъ, копіистовъ и писчиковъ, о содержаніи ихъ, о канцелярскихъ порядкахъ и расходахъ и даже о нѣкоторыхъ явленіяхъ и чертахъ внутренней жизни лицъ канцелярскаго состава. Еще ни объ одной канцеляріи учрежденій XVIII вѣка не изложено въ печати столь полныхъ свѣдѣній, какъ о канцеляріи Св. Синода — въ раз-

сматриваемой монографіи. Свѣдѣнія г. Петровскаго въ монографіи «О Сенатѣ въ царствованіе Петра великаго» М. 1876 г. гораздо короче о «канцеляріи сената». (стр. 62—71), чѣмъ свѣдѣнія г. Рункевича о синодской канцеляріи. — Свѣдѣнія того и другого автора о канцеляріяхъ двухъ главныхъ правительственныхъ учрежденій при Петрѣ представляютъ весьма достаточно матеріаловъ для выясненія происхожденія, развитія и отличительныхъ особенностей особаго служебнаго класса въ новой Россіи, канцелярскихъ чиновниковъ различныхъ ранговъ.

Въ монографіи г. Петровскаго подъ особой рубрикою, отдѣльною отъ канцеляріи, «Генералъ-прокуроръ и прокуроры» разсматриваются какъ особая составная часть въ составѣ Сената. Но г. Рункевичъ разсматриваетъ должность «Оберъ-прокурора при синодѣ» въ одной главѣ съ «Исполнительными органами Св. Синода». По нашему мнѣнію, г. Петровскій правильнѣе поступилъ при обсужденіи постановки и положенія института прокуратуры въ петровскихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, чѣмъ г. Рункевичъ. Должность Оберъ-прокурора при Св. Синодѣ есть составная часть устройства синода, отличная и особая отъ «Исполнительныхъ органовъ Св. Синода», имѣющая свое, самостоятельное, ей одной свойственное значеніе въ строѣ Духовной Коллегіи. Эта должность получила въ своемъ развитіи въ теченіе синодальнаго періода значеніе, въ высшей степени важное, широкое и сильное въ русской церкви, и представляетъ своеобразный институтъ въ русскомъ государственномъ и церковномъ правѣ какъ въ историческомъ развитіи, такъ и въ дѣйствующемъ правѣ. О должности синодальнаго Оберъ-прокурора высказывались и высказываются разнообразныя сужденія и въ русской и въ иностранной литературѣ, равно въ разговорахъ въ обществѣ, іерархами, правовѣдами и публицистами, православными и инославными. Сужденія касались и касаются происхожденія этой должности, ея существа и значенія, стадій историческаго ея развитія, ея государственнаго положенія, ея значенія, правъ, обязанностей и отношеній въ Св. Синодѣ, въ учрежденіяхъ при Синодѣ, въ епархіяхъ и вообще въ русской церкви, въ посредничествѣ между Св. Синодомъ съ одной стороны и государственными высшими учрежденіями и верховной властію съ другой. Въ виду разнообразныхъ сужденій, свидѣтельствующихъ самымъ разнообразіемъ своимъ о степени значенія этой должности, выясненіе происхожденія ея, значенія и положенія ея въ «первоначальномъ устройствѣ Св. Синода, при Петрѣ» должно было составлять предметъособенно тщательнаго изслѣдованія и точнаго сужденія автора перваго тома «Исторіи Русской церкви подъ управленіемъ Св. Синода» и первой монографіи объ «учрежденіи и первоначальномъ устройствѣ» его.

Въ особенности г. Рункевичъ обязанъ былъ съ осторожностію и

спокойно отнестись къ сужденіямъ достопочтеннаго профессора Ѳ. В. Благовидова, автора единственнаго ученаго изслѣдованія объ Оберъ-прокурорской должности Св. Синода, не задолго предъ разсматриваемою монографіею изданнаго въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: «Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. Развитіе оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія» Казань 1899 г. Трудомъ профессора Благовидова полагается начало ученымъ изслѣдованіямъ объ институтѣ Оберъ-прокурорской должности въ синодѣ, которыми должна быть выяснена и установлена въ наукѣ эта должность на твердыхъ основаніяхъ, соотвѣтственно ея назначенію, достоинству и надлежащей дѣятельности Св. Синода, положенію и назначенію православной церкви въ народѣ и государствѣ. Но, съ нашей точки зрѣнія, изложеніе и сужденія г. Рункевича о должности Оберъ-прокурора при Св. Синодѣ подлежатъ замѣчаніямъ и даже упрекамъ въ недостаточномъ выясненіи ея происхожденія, въ неточномъ ея пониманіи и въ несправедливыхъ отношеніяхъ г. Рункевича къ гг. Благовидову и Голубеву, заслуживающимъ глубокаго уваженія за свои сочиненія.

Разсмотрѣнію должности Оберъ-прокурора авторъ монографіи посвящаетъ три §§ (XIV—XVI на стр. 276—290). Въ XIV § онъ а) излагаетъ исторію происхожденія этой должности въ слѣдующемъ краткомъ видѣ: 11 мая 1722 г. Государь повелѣлъ выбрать въ синодъ Оберъ-прокурора, дать ему инструкцію «примѣняясь» къ Генералъ-прокурорской и быть Оберъ-прокуроромъ полковнику И. Болтину «до указу»; 15 іюня тогоже года сообщено изъ сената вѣдѣніе объ этомъ повелѣніи и въ тотъ же день протоколомъ Св. Синода сдѣлано распоряженіе объ исполненіи высочайшаго повелѣнія; б) приводитъ содержаніе данной Оберъ-прокурору инструкціи, находитъ, что она «составлена не примѣнительно» къ генералъ-прокурорской, а буквально списана съ нея съ замѣною словъ «сенатъ» и «Генералъ-прокуроръ» словами «синодъ» и «Оберъ-прокуроръ и отмѣчаетъ въ ней «немало несообразностей», в) критикуетъ мнѣнія г. Благовидова, усматривающаго въ учрежденіи въ синодѣ должности Оберъ-прокурора «привнесеніе личнаго начала въ коллегіально организованное церковное учрежденіе», а за тѣмъ его и г. Голубевао, предполагающаго, что учрежденіе тойже должности было выраженіемъ недовѣрія Петра къ органу высшаго церковнаго управленія; г) по своимъ «соображеніямъ» рѣшаетъ поставленный себѣ вопросъ: «чѣмъ же вызвано было учрежденіе должности Оберъ-прокурора въ Синодѣ?» и д) отвергаетъ «высказанную въ наукѣ мысль», что въ Синодѣ положено присутствовать представителю царской власти по примѣру присутствія на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ или самаго царя, или его представителя.

По всѣмъ пунктамъ, подъ которые мы подвели содержаніе § XIV, мы имѣемъ высказать г. Рупкевичу замѣчанія.

Пункты а) и г). Авторъ монографіи, «не представляя» себѣ «трудностей» (п. г. стр. 280) въ «соображеніяхъ — чѣмъ вызвано было учрежденіе должности Оберъ-прокурора въ Синодѣ», полагаетъ, что «Петръ, уѣзжая въ далекій походъ, въ Астрахань», «покидалъ» Сенатъ и Синодъ «и вотъ предусмотрительный государь оставляетъ свое «око» въ синодѣ. Такимъ образомъ учрежденіе Оберъ-прокурорской должности для Синода вызвано только предположеніемъ «возможности» (стр. 281) злоупотребленій, которыя послужили «дѣйствительною причиною» учрежденія въ сенатѣ должности Генералъ-прокурора. — Итакъ по мнѣнію г. Рупкевича, должность Оберъ-прокурора въ Синодѣ была учреждена случайно, на время отсутствія государя изъ С. П. Бурга, и по произвольному предположенію его о возможности злоупотребленій въ Синодѣ. Такое мнѣніе объясняетъ намъ— почему г. Рупкевичъ всю исторію происхожденія этой должности вмѣщаетъ (п. а, стр. 276) въ одно высочайшее повелѣніе 11 мая 1722 г., сообщенное 15 іюня тогоже года вѣдѣніемъ сената Синоду и въ тотъ же день исполненное Синодомъ. — Признаемся, — мы считаемъ объясненіе г. Рупкевичемъ происхожденія Оберъ-прокурорской должности въ Св. Синодѣ очень и очень легковѣснымъ. Легковѣсность его какъ будто признаетъ и самъ г. Рупкевичъ. Это видно изъ того, что онъ сряду же послѣ своего объясненія, на стр. 281-ой, высказываетъ: «воля государя имѣть въ Синодѣ своего представителя не заключала въ себѣ ничего обиднаго для членовъ Синода и была и весьма естественна и весьма законна», — почему? — не объясняется и не доказывается. — Мы, съ своей стороны, имѣемъ основанія утверждать, что учрежденіе должности оберъ-прокурора въ Св. Синодѣ есть историческая и правовая необходимость въ строѣ Св. Синода, какъ Духовной Коллегіи.

По вышеизложеннымъ нами началамъ территоріальной и особенно коллегіальной системы устройства государства и отношеній его къ церкви, монархи, предоставляя назначаемымъ ими должностнымъ лицамъ и учрежденіямъ опредѣленную повелѣніями или законами долю власти въ той или другой сторонѣ государственнаго управленія, удерживали за собою верховную власть надзора (jus supremae inspectionis) за отправленіями ихъ дѣятельности. Не имѣя возможности непосредственно и лично осуществлять надзирающую власть во всѣхъ сторонахъ и областяхъ государственнаго управленія, они учреждали особыя должности для надзора за состояніемъ управленія различныхъ отдѣльныхъ сторонъ и въ разныхъ частяхъ государства и для указанія и даже для изысканія способовъ и средствъ къ улучшенію управленія. Таковыя должностныя лица по законамъ обязыва-

лись замѣчать недостатки, безпорядки и злоупотребленія въ той или другой сторонѣ народной жизни и государственнаго управленія, устранять ихъ предоставленными имъ или возможными мѣрами, доносить о нихъ монарху или поставленнымъ для принятія ихъ доношеній лицамъ и представлять свои соображенія о мѣрахъ къ улучшенію той или другой стороны жизни и управленія и къ устраненію замѣченныхъ недостатковъ. Должностныя лица, служившія органами государственнаго надзора, въ разныхъ государствахъ назывались различно — то фискалами, то надзирателями (inquisitores), то ревизорами, то прокурорами. Органы надзирающей власти вводились въ нѣкоторыхъ государствахъ во второй половинѣ XVII в., а въ началѣ XVIII в. эта власть признавалась необходимою составною частію государственнаго строя и управленія почти во всѣхъ странахъ, въ которыхъ проводились въ законодательство и въ жизнь начала коллегіальной системы. — Мы не сомнѣваемся, что Петръ въ своей реформаторской дѣятельности руководился идеями сначала территоріальной и за тѣмъ въ особенности коллегіальной системы устройства и управленія во всѣхъ сторонахъ государственной и народной жизни; а церковь и религіозныя вѣроисповѣданія онъ признавалъ за одну изъ сторонъ народной жизни, подлежащую вѣдѣнію и верховной государственной власти. — Въ Россіи XVII вѣка, какъ и въ предъидущія времена, никакого постояннаго органа государственнаго надзора не существовало въ строѣ ни государственной власти, ни церковной. За отсутствіемъ таковаго была неустранима необозримая масса страшныхъ и разнообразнѣйшихъ злоупотребленій воеводъ въ областяхъ и городахъ, бояръ, дьяковъ и подъячихъ въ приказахъ. Особенно развито было, какъ извѣстно, неномѣрное хищничество казны. Петръ 1 съ самаго начала своего самодержавнаго единовластія, въ сознаніи существующихъ злоупотребленій въ разныхъ частяхъ управленія государственнаго, давалъ довѣреннымъ своимъ лицамъ порученія — искать прибыли государевой казны, смотрѣть, чтобъ небыло хищеній ея, «доносить» ему о замѣченныхъ злоупотребленіяхъ и даже предлагать ему мѣры къ охраненію государственныхъ интересовъ и къ устраненію хищеній. Таковы лица были Возницынъ и знаменитый «прибыльщикъ государевой казны» Курбатовъ. Благодаря обнародованному впервые г. Рункевичемъ[1]) полному тексту письма, посланнаго Петру Курбатовымъ немедленно по смерти патріарха Адріана, мы можемъ теперь знать — какими обширными уполномочіями пользовался «прибыльщикъ» при Петрѣ. Онъ не только «оберегалъ» государеву казну, но «доносилъ» прямо монарху «многими письмами» о замѣченныхъ имъ безпорядкахъ и предлагалъ ему цѣлые проэкты реформъ въ устройствѣ и управле-

1) стр. 27—28.

піи разными учрежденіями. И монархъ принималъ во вниманіе эти проэкты и облекалъ тѣ или другія части ихъ въ форму своихъ именныхъ указовъ — повелѣній и законовъ. Въ 1711 г. былъ учрежденъ и организованъ Петромъ цѣлый сложный государственный институтъ фискаловъ съ оберъ-фискаломъ во главѣ, для цѣлей государственнаго надзора въ интересахъ казны (fiscus) и государства. Проэктъ русскаго законодательства объ этомъ институтѣ былъ заимствованъ изъ Швеціи. Надзору фискаловъ подлежали, между прочимъ, патріаршіе и архіерейскіе приказы во всѣхъ губерніяхъ (П. С. Зак. № 2414). По доносамъ фискаловъ открылись злоупотребленія сенаторовъ кн. Долгорукова, Опухтина и знаменитаго въ исторіи церковныхъ вотчинъ вѣдателя Монастырскаго приказа графа А. И. Мусина Пушкина. Злоупотребленія ихъ, между прочимъ, обнаружили настоятельную необходимость въ учрежденіи въ концѣ 1715 г. въ составѣ самаго сената должности генералъ-ревизора или надзирателя указовъ (П. С. З. №№ 2957 и 3055). Но это еще далеко не генералъ-прокуроръ, какъ полагаетъ невѣрно г. Рункевичъ (стр. 280). Между тѣмъ планъ учрежденія коллегій уже созрѣлъ. Въ 1715 г. былъ призванъ иностранецъ Фикъ, изучавшій государственное устройство Швеціи, для сочиненія Регламентовъ русскихъ коллегій. Были составляемы и подносимы Петру разными лицами записки объ устройствѣ коллегій и о распредѣленіи между ними государственныхъ дѣлъ. Въ іюнѣ 1718 г. состоялся именной указъ «о сводѣ Шведскаго Регламента во всѣхъ коллегіяхъ съ русскимъ», коллегіи сформированы и начали свои приготовительныя дѣйствія. Въ 1720 г. послѣдовало ихъ открытіе; Генаральный Регламентъ обнародованъ. Въ началѣ 1721 г. открыта была Духовная Коллегія, переименованная въ «Св. Прав. Синодъ», и обнародованъ Духовный Регламентъ. Въ концѣ 1721 и въ началѣ 1722 г. Сенатъ получилъ реформу, по которой онъ былъ поставленъ въ связь съ коллегіями. Словомъ, — коллегіальное устройство государственныхъ учрежденій совершилось успѣшно, безъ препятствій и сравнительно быстро. Петръ I вполнѣ вѣрилъ знаменитому ученому своего времени Лейбницу. А онъ говорилъ: «доброе правленіе можетъ быть только при условіи коллегій, которыхъ устройство похоже на устройство часовъ, гдѣ колеса взаимно приводятъ другъ друга въ движеніе»[1]). «Какъ въ часахъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, такъ въ большой государственной машинѣ одна коллегія должна возбуждать другую. А если все будетъ находиться въ надлежащей соразмѣрности; то стрѣлка мудрости будетъ указывать странѣ часы благоденствія»[2]). Но необходимо смотрѣть, чтобы «надлежащая соразмѣрность» соблюдалась во всѣхъ учрежде-

1) «Исторія С. М. Соловьевъ» т. XVI стр. 186 прим.
2) Русскій Вѣстникъ т. XXXII стр. 476.

піяхъ, получившихъ коллегіальное устройство, и въ подчиненныхъ имъ установленіяхъ. По принципамъ коллегіальной системы устройства и управленія государства, на монархѣ лежитъ обязанность и право верховнаго надзора (Oberaufsichtsrecht). Полная реформа государственнаго устройства и управленія по коллегіальной системѣ должна завершиться организаціею повсемѣстнаго учрежденія органовъ государственнаго надзора. По запискѣ Фика, въ Швеціи всѣ фискалы были въ 1714 г. подчинены особому должностному лицу (омбудсману), стоявшему во главѣ министровъ. Особенно необходимъ таковой надзоръ въ Россіи. Въ неизбѣжной необходимости его былъ убѣжденъ великій Петръ историческимъ и собственнымъ опытомъ. Много законовъ имъ было издано объ организаціи устройства и дѣятельности фискаловъ; но исполнители этихъ законовъ возбудили и возбуждаютъ противъ себя въ народѣ и въ чиновничествѣ неудовольствія, а въ духовенствѣ обличительную проповѣдь. Сознавали необходимость организаціи надзора сподвижники Петра въ производствѣ реформъ, въ особенности тѣ, которые занимались составленіемъ проектовъ регламентовъ для коллегій. Составитель Духовнаго Регламента несомнѣнно зналъ — какое значеніе въ государственномъ управленіи придавалъ великій преобразователь органамъ надзора. Всѣмъ содержаніемъ составленнаго имъ Регламента внушалось Духовной Коллегіи имѣть неослабное и строгое «смотрѣніе» за всѣмъ, что касается «духовныхъ дѣйствій». Св. Синодъ, конечно по предложенію вліятельнаго въ немъ втораго вице-президента и составителя Регламента, въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій, чрезъ полмѣсяца послѣ своего открытія, 1 марта 1721 г. учредилъ для осуществленія надзора «инквизиторовъ» при Синодѣ, въ Москвѣ и во всѣхъ архіерейскихъ епархіяхъ[1]). Въ самомъ началѣ 1722 г. именнымъ указомъ, даннымъ сенату 12 января, учреждено: быть при сенатѣ Генералъ-прокурору и Оберъ-прокурору, а въ каждой коллегіи — прокурору[2]); 11 мая тогоже 1722 года Государь, будучи въ Сенатѣ, повелѣлъ быть въ Св. Синодѣ Оберъ-прокурору и дать ему инструкцію. Въ тотъже день именнымъ указомъ повелѣвалось: «во всѣхъ коллегіяхъ сдѣлать регламенты противъ Адмиралтейской Коллегіи, только, гдѣ потребно, имена перемѣнить; а аншталтъ (учрежденіе) чтобъ былъ весьма сходенъ во всѣхъ порядкахъ»[3]). Въ Регламентѣ Адмиралтейтейской Коллегіи, утвержденномъ монархомъ 5 апрѣля 1722 г.[4]), изложено шесть статей о должности прокурора (II гл. артикулы 1—6). Въ томъже году были учреждены должности прокуроровъ въ сенатской кон-

1) П. Собр. Постан. и Расп. по вѣд. Прав. Ист. т. I. № 22.
2) П. С. Зак. № 3877.
3) Тамъже № 4008.
4) Тамъже № 3937.

торѣ и въ надворныхъ судахъ. Такимъ образомъ создался сложный и организованный институтъ, названіе котораго заимствовано, по всей вѣроятности, изъ французскаго государственнаго права. Изъ сказаннаго нами о происхожденіи его, — думаемъ, можно вывести, что должность Оберъ-прокурора въ Св. Синодѣ, въ значеніи органа государственнаго надзора, «ока царева» и оберегателя («стряпчаго») государственныхъ дѣлъ, учреждена какъ необходимая, по историческому развитію органовъ надзирающей власти и по принципамъ коллегіальнаго устройства государственныхъ учрежденій, составная часть Духовной Коллегіи. — Такъ мы, въ противоположность объясненію г. Рункевича, понимаемъ и, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ понимать происхожденіе оберъ-прокурорской должности въ Св. Синодѣ.

По пункту б). Авторъ монографіи нестройно изложилъ содержаніе оберъ-прокурорской инструкціи. Изложивъ значительную часть ея содержанія, онъ на стр. 278 высказываетъ: «заканчивалась (заканчивается?) инструкція уподобленіемъ оберъ-прокурора оку цареву и стряпчему о дѣлахъ государственныхъ» и т. д. За тѣмъ онъ критикуетъ «составленіе» ея и снова, по окончаніи критики, возвращается къ ея содержанію (стр. 279): «По пятому пункту инструкціи, Оберъ-прокурору «должно въ своей дирекціи имѣть» и т. д. — Далѣе, — г. Рункевичъ допустилъ неточности въ критическихъ своихъ замѣткахъ объ инструкціи оберъ-прокурора. Онъ говоритъ: «Эта инструкція не была сенатомъ составлена примѣнительно къ генералъ-прокурорской, какъ того требовалъ высочайшій указъ, а буквально съ нея списана съ замѣною только двухъ словъ» (стр. 278). — Высочайшій указъ не требовалъ отъ сената «составить инструкцію», а повелѣвалъ «дать инструкцію» оберъ-прокурору. Что касается до того, что она «списана», — объясняется вышеприведеннымъ нами указомъ Государя о способѣ составленія регламентовъ для коллегіи «противъ Адмиралтейской Коллегіи», повелѣвающимъ «перемѣнять только имена, а аншталтъ» оставлять «во всемъ сходнымъ». — Отмѣченныя г. Рункевичемъ «несообразности» въ инструкціи правильнѣе назвать недосмотрами копіиста, ее писавшаго.

По пункту в). Критика г. Рункевича положеній и мнѣній гг. Благовидова и Голубева, въ особенности Благовидова, написанная менѣе, чѣмъ на двухъ страницахъ (ст. 279—280), производитъ на меня крайне тяжолое и непріятное впечатлѣніе. Какъ бы я желалъ, чтобы ея не было въ такомъ ученомъ трудѣ, какова — разсматриваемая монографія! Это ложка дегтя въ кадкѣ меду. Критика написана болѣе чѣмъ рѣзко, неуважительно къ ученымъ трудамъ достоуважаемыхъ авторовъ, исполнена невѣрностей, ошибокъ и даже непристойности. Критика краткая, но г. Рункевичъ ссылается въ примѣчаніи на «краткую свою рецензію на книгу»

г. Благовидова «Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX ст.» Казань. 1899 г. «съ указаніемъ (г. Рункевича) допущенныхъ въ ней фактическихъ ошибокъ за время царствованія Петра, см. въ «Странникѣ», 1899 г. іюнь», стр. 367—375. Мы считаемъ долгомъ разобрать критическіе упреки г. Рункевича профессору Благовидову, высказанные имъ и въ его монографіи, и въ «краткой его рецензіи», болѣе обширной, чѣмъ помѣщенная въ монографіи критика.

Г. Рункевичъ такъ начинаетъ (стр. 279) свою критику: «Изложеніе (оберъ-прокурорской) инструкціи такъ ясно, требованія ея столь опредѣленны, что только извращеніемъ совершенно прямого смысла самыхъ простыхъ понятій, проще сказать — научнымъ невѣжествомъ можетъ быть объяснено утвержденіе, будто учрежденіе въ синодѣ должности оберъ-прокурора было «привнесеніемъ личнаго начала въ коллегіально организованное высшее церковное учрежденіе», выражало собою поворотное настроеніе Петра во взглядѣ на коллегіальное управленіе (цитируетъ здѣсь стр. 27, 33—35, 106 книги г. Благовидова), было проявленіемъ спеціальнаго недовѣрія Петра къ органу высшаго церковнаго управленія ради составлявшихъ его лицъ, духовныхъ особъ, къ которымъ Петръ не могъ будто бы питать ни симпатій, ни довѣрія, потому что духовенство вообще несочувствовало петровымъ реформамъ» (цитируетъ г. Рункевичъ стр. 22 г. Благовидова и сочиненіе г. А. Голубева «Св. Синодѣ». «Внутр. бытъ», II, 265).

Г. Рункевичъ представляетъ дѣло такъ, будто отъ положенія, за которыя онъ обвиняетъ гг. Благовидова и Голубева въ «извращеніи самыхъ простыхъ понятій» и въ «научномъ невѣжествѣ», основываются въ сочиненіяхъ ихъ на «изложеніи (оберъ-прокурорской) инструкціи и на требованіяхъ ея». Но приведенныя г. Рункевичемъ и приписываемыя имъ гг. Благовидову и Голубеву положенія въ сочиненіяхъ ихъ ни въ какой связи съ «изложеніемъ инструкціи и ея требованіями» не стоятъ.

Г. Рункевичъ обвиняетъ г. Благовидова въ «утвержденіи», что «учрежденіе въ Синодѣ должности Оберъ-прокурора было «привнесеніемъ личнаго начала въ коллегіально организованное церковное учрежденіе». Правда, — эта мысль выражена въ сочиненіи г. Благовидова, — и мысль вѣрная. Это нетолько мысль, но несомнѣнный историческій фактъ. Учреждена Духовная Коллегія, названная Св. Синодомъ; присутствіе его составлено изъ многихъ равноправныхъ лицъ, составляющихъ собраніе. Въ 1722 г. при Св. Синодѣ, при его присутствіи, учреждена единоличная должность съ названіемъ оберъ-прокурора. Такимъ образомъ въ высшемъ церковномъ учрежденіи соединены два различныя начала: коллегіальное начало и единоличное въ должности оберъ-прокурора. Какъ же можно от-

вергать дѣйствительный фактъ? на цитируемой г. Рункевичемъ страницѣ сочиненія г. Благовидова только и говорится авторомъ: «Высочайшимъ указомъ отъ 11 мая 1722 г. Петръ, не разрушая и даже не желая ослаблять новыхъ началъ, положенныхъ въ основу организаціи высшаго церковнаго управленія (лучше бы — учрежденія или установленія), ввелъ въ коллегіальный синодъ личное начало въ формѣ должности оберъ-прокурора, поставленнаго въ ближайшія (это — слишкомъ) отношенія къ верховной власти». И мысль, и выраженія ея не г. Благовидовымъ придуманы; онѣ взяты изъ превосходно составленной ученой книги покойнаго профессора А. Д. Градовскаго — «Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры» изд. 1866 г. Жаль, что г. Рункевичъ не ознакомился съ этою книгою. Она будетъ ему весьма полезна при дальнѣйшихъ трудахъ его по изслѣдованію исторіи развитія оберъ-прокурорской должности при Св. Синодѣ.

За тѣмъ г. Рункевичъ приписываетъ профессору Благовидову, утвержденіе, будто учрежденіе въ Синодѣ должности оберъ-прокурора... выражало собою поворотное настроеніе Петра во взглядѣ на коллегіальное управленіе». Такого «утвержденія» нѣтъ въ книгѣ г. Благовидова. Мы внимательно прочли всю его книгу и нѣсколько разъ ее просматривали и особенно цитируемыя г. Рункевичемъ ея страницы, на которыхъ онъ находитъ приписываемое г. Благовидову означенное «утвержденіе», и не нашли ни мысли, ни выраженія о «поворотномъ настроеніи Петра во взглядѣ на коллегіальное управленіе».

Обвиненіе г. Рункевичемъ гг. Благовидова и Голубева въ утвержденіи, что учрежденіе оберъ-прокурорской должности въ Синодѣ «было проявленіемъ спеціальнаго недовѣрія Петра къ органу высшаго церковнаго управленія ради составлявшихъ его лицъ духовныхъ особъ», справедливо, но нѣсколько преувеличено словомъ «спеціальнаго» недовѣрія.

Г. Рункевичъ старается доказать основательность своихъ обвиненій гг. Благовидова и Голубева; но доказательства его болѣе теоретическаго свойства, чѣмъ фактическаго рода, и отчасти основываются на томъ, что означенные ученые безразлично употребляютъ въ отношеніи къ Синоду слова «учрежденіе» и «управленіе» и тѣмъ подаютъ поводъ ихъ критику обвинять ихъ, что они допускаютъ мысль — будто «личное начало, въ формѣ новой должности оберъ-прокурора, введено въ преобразованное церковное управленіе». Вмѣсто «управленіе» поставить терминъ «учрежденіе» — и обвиненіе должно пасть. Но г. Рункевичъ, въ виду такого безразличія въ употребленіи терминовъ, въ юриспруденціи строго различающихся, усиливается доказывать, что оберъ-прокурору не предоставлено «никакого участія въ дѣлахъ высшаго управленія». «Дѣло оберъ-прокурора, утвер-

ждаетъ онъ, состояло, по инструкціи, въ томъ, чтобы «смотрѣть», «предлагать», а «въ случаѣ упорнаго (совѣтуется г. Рункевичу не употреблять такого прилагательнаго имени въ отношеніи къ учрежденію, о которомъ пишетъ) отстаиванія Синодомъ несправедливости или несогласія съ закономъ, пріостановить исполненіе рѣшенія до высочайшаго разсмотрѣнія» и т. п.

Въ «краткой рецензіи» на книгу г. Благовидова г. Рункевичъ обвиняетъ автора книги за то, что онъ называетъ свою книгу въ ея «подзаголовкѣ» исторіею «развитія оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ», и увѣряетъ, что можно говорить не о власти, а «о вліяніи оберъ-прокурора на дѣла церковнаго управленія. Такое вліяніе со стороны оберъ-прокуроровъ, какъ стражей государственныхъ интересовъ при церковномъ управленіи, могло быть и дѣйствительно было и большее, и меньшее, весьма значительное». Намъ сказывали, что это обвиненіе такъ подѣйствовало на г. Благовидова, что онъ даже перемѣнилъ обертку своей книги и на новой оберткѣ слово «власти» замѣнилъ словомъ «вліянія». Мы не понимаемъ — почему бы за оберъ-прокуроромъ и не признавать той власти, какую онъ стяжалъ въ историческомъ развитіи своей должности. Самъ г. Рункевичъ въ своей монографіи признаетъ (стр. 280), что даже въ петровское время «вліяніе оберъ-прокурора на дѣла въ синодѣ ограничивалось властью пріостановить исполненіе рѣшеній» и что его власть распространялась на всѣхъ свѣтскихъ служащихъ по духовному вѣдомству (стр. 287). Г. Рункевичъ знаетъ, что оберъ-прокуроръ есть «око царево» въ Синодѣ, то есть, имѣетъ право надзора или надзирающую власть; а надзирающая его власть съ теченіемъ времени послужила основаніемъ къ развитію руководственной, за тѣмъ административной и т. д.

Если же слѣдуетъ заботиться о строгой точности терминовъ; то, по моему мнѣнію, слѣдовало бы г. Благовидову озаглавить на оберткѣ свою книгу: «развитіе оберъ-прокурорской должности». А. г. Рункевича, настаивающаго въ своей рецензіи на томъ, что въ историческомъ изслѣдованіи о должности оберъ-прокурора слѣдуетъ говорить не о власти, а «о вліяніи», мы можемъ спросить: какое же вліяніе — «большее, меньшее и весьма значительное» — на дѣла церковнаго управленія оберъ-прокуроръ имѣлъ — нравственное или юридическое? — Несомнѣнно юридическое, — на основаніи правъ и обязанностей по должности. Всякое же должностное лицо, обладающее по закону совокупностію правъ и обязанностей въ отношеніяхъ къ другимъ лицамъ или учрежденіямъ, есть власть. Такимъ образомъ самъ г. Рункевичъ признаетъ власть за оберъ-прокуроромъ.

По пункту д). На 281-ой страницѣ г. Рункевичъ пишетъ: «Въ наукѣ высказана мысль, что въ Синодѣ, какъ постоянномъ церковномъ

соборѣ, положено было присутствовать оберъ-прокурору, какъ представителю царской власти — «по примѣру вселенскихъ и помѣстныхъ, греческихъ и русскихъ соборовъ, на которыхъ обыкновенно присутствовалъ или самъ царь, или уполномоченный отъ него», — и цитируетъ «П. Кедровъ, «Дух. Сегл. 61». Почему г. Рункевичъ цитируемое сочиненіе г. Кедрова возвелъ въ значеніе «науки» — необъясняется.

Въ §§ XV и XVI пятой главы монографіи тщательно собраны и безукоризненно изложены авторомъ его свѣдѣнія о дѣятельности перваго синодальнаго оберъ-прокурора И. В. Болтина по его должности и объ его содержаніи. Но біографическаго очерка его нѣтъ въ монографіи. Книга г. Благовидова дополняетъ въ этомъ отношеніи недостатокъ монографіи г. Рункевича.

Въ шестой главѣ (стр. 291—333), подъ рубрикою «Дѣла и власть Св. Синода», авторъ успѣшно старается опредѣлить и разграничить вѣдомство или компетенцію Св. Синода на основаніи законодательства (Духовнаго Регламента, указовъ и резолюцій Государя) и дѣловыхъ сношеній съ правительственными установленіями. Въ §§ I—III перечисляются, на основаніи Регламента и резолюцій Государя, подлежавшіе вѣдѣнію Св. Синода предметы и дѣла относительно вѣры, богослуженія и религіозно-нравственной жизни въ народѣ и по управленію епархіями, опредѣляется объемъ церковной подсудности по содержанію и сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о положеніи церковныхъ вотчинъ въ отношеніи къ Св. Синоду; въ § IV излагаются мѣры, предпринимавшіяся Св. Синодомъ къ установленію границъ своего вѣдомства отъ вмѣшательства сената, коллегій и провинціальныхъ свѣтскихъ властей; въ §§ V и VI отграничивается компетенція Св. Синода въ значеніи высшей инстанціи по дѣламъ административнымъ, судебнымъ и подлежащимъ вѣдѣнію надзирающей власти. Въ §§ VII—XI выясняются положеніе, значеніе и отношенія Св. Синода въ ряду государственныхъ и церковныхъ учрежденій. Предметъ, изложенный въ этихъ §§, обозначается авторомъ въ оглавленіи его книги терминомъ «власть Синода». Властію называется на юридическомъ языкѣ совокупность правъ на опредѣленныя законодательствомъ дѣйствія, отправленія и отношенія, присвоенныя извѣстному должностному лицу или учрежденію. Посему означеніе содержанія указанныхъ §§ терминомъ «власть Синода» правильнымъ назвать нельзя. Составленіе всей главы требовало отъ автора много труда, вдумчивости и знакомства съ юридическою классификаціею предметовъ, могущихъ подлежать вѣдѣнію тѣхъ или другихъ учрежденій. Юридическія понятія начала XVIII вѣка въ разграниченіи вѣдомства церкви и государственныхъ учрежденій были весьма неясны и неопредѣленны не только у насъ въ Россіи, но даже въ ученыхъ сочиненіи-

яхъ юристовъ и политиковъ западной Европы. Г. Рункевичъ въ разсматриваемой главѣ выяснилъ объемъ вѣдомства Св. Синода въ первые годы его существованія и по предметамъ, и по лицамъ съ достаточною точностію и полнотою, на сколько это выясненіе возможно на основаніи тогдашняго законодательства и содержанія производившихся тогда и сохранившихся до нашего времени дѣлъ.

Въ седьмой главѣ монографіи (стр. 334—391) подробно изображено авторомъ монографіи «Дѣлопроизводство» въ Св. Синодѣ въ періодъ первоначальнаго его устройства. Глава составлена авторомъ на основаніи Генеральнаго Регламента (§ 1) и по преимуществу «описанія дѣлъ, въ архивѣ Св. Синода хранящихся», и непосредственнаго осмотра книгъ и дѣлъ. Знакомство съ содержаніемъ этой главы очень полезно для лицъ, приступающихъ къ архивнымъ занятіямъ (по разбору дѣлъ и книгъ) и ученымъ изслѣдованіямъ въ архивахъ первой половины XVIII вѣка. Дѣлопроизводство XVIII в., въ русскихъ правительственныхъ установленіяхъ съ учрежденіемъ коллегій, очень значительно различается отъ дѣлопроизводства въ приказахъ XVII и первыхъ двадцати лѣтъ XVIII в. Порядка и формъ веденія дѣлъ въ приказахъ XVII вѣка законодательство не устанавливало: все слагалось обычаемъ. При учрежденіи коллегій изданъ Генеральный Регламентъ, которымъ установлены съ значительною подробностію обязательныя формы канцелярскихъ бумагъ и книгъ, правила теченія дѣлъ въ учрежденіяхъ съ указаніемъ стадій, чрезъ которыя онѣ должны проходить и т. п. Кромѣ Генеральнаго Регламента, въ каждой коллегіи долженъ быть составленъ спеціальный регламентъ. Ранѣе всѣхъ сочинила для себя регламентъ Адмиралтейская Коллегія. По повелѣнію Государя въ 1722 г., сочинялись регламенты примѣнительно къ Адмиралтейскому во всѣхъ коллегіяхъ; но они большею частію оставались проэктами, не получившими утвержденія и подвергавшимися съ теченіемъ времени пересмотрамъ[1]). Движеніе дѣлъ въ каждой коллегіи поэтому происходило частію по узаконеніямъ Генеральнаго Регламента, частію по наставленіямъ проэктовъ спеціальнаго регламента и частію по установившимся канцелярскимъ обычаямъ. Въ «Духовномъ Регламентѣ» не было установлено порядка веденія дѣлъ въ Духовной Коллегіи. По открытіи ея, приняты были канцеляріею ея въ порядкѣ дѣлопроизводства правила Генеральнаго Регламента. Но правила эти примѣнялись своеобразно и на практикѣ развивались и видоизмѣнялись. Кромѣ того, въ самой Синодской канцеляріи при теченіи дѣлъ возникали вопросы относительно, напримѣръ, формъ сношеній Св. Синода съ правитель-

1) Образцомъ выработки спеціальныхъ регламентовъ коллегій можетъ служить «Регламентъ Вотчинной Коллегіи въ проэктахъ 1723, 1732 и 1740 гг.», изд. П. Ардашева съ введеніемъ и примѣчаніями. М. 1890.

ственными учрежденіями и лицами, должностными и частными: вопросы эти разрѣшались Св. Синодомъ. Г. Рункевичъ подробно, ясно и отчетливо излагаетъ всѣ стадіи движенія дѣлъ. При этомъ изложеніи онъ иногда останавливается внимательно на отдѣльныхъ моментахъ и стадіяхъ, если дѣло поступаетъ въ спеціальное учрежденіе, существовавшее въ Св. Синодѣ. По этому поводу онъ входитъ въ изслѣдованіе этого учрежденія и сообщаетъ возможно полныя свѣдѣнія о немъ. Такъ онъ обстоятельно выяснилъ значеніе такъ называемыхъ «конторъ» при Св. Синодѣ, собралъ свѣдѣнія и даетъ указаніе о всѣхъ «конференціяхъ Синода и Сената», бывшихъ въ теченіе 1724—1725 гг. По изображенію г. Рункевича, моменты движенія дѣлъ въ Св. Синодѣ были слѣдующіе: поступленіе бумаги въ Синодъ и принятіе ея, зарегистрованіе ея въ канцеляріи, запись въ одну изъ книгъ, которыя велись въ канцеляріи для четырехъ категорій входящихъ бумагъ, разсмотрѣніе и рѣшеніе, составленіе и подпись протокола, исполненіе опредѣленія Св. Синода, разсылка синодальныхъ указовъ, полученіе рапортовъ о принятіи и исполненіи синодальныхъ распоряженій. Въ заключительномъ § этой главы авторомъ книги указаны характеристическія черты дѣлопроизводства времени: медленность, сложная формальность, недостатокъ надзора за своевременнымъ выполненіемъ каждымъ чиновникомъ своей обязанности по участію въ движеніи отдѣльныхъ дѣлъ. — Находя изложеніе главы вполнѣ соотвѣтствующимъ предмету ея содержанія, мы не усматриваемъ въ ней различенія г. Рункевичемъ дѣлъ въ ихъ движеніи по содержанію — административныхъ, судебныхъ, законодательныхъ.

Въ осьмой главѣ монографіи (стр. 391—407) разсказывается о «переѣздахъ Св. Синода»: о выѣздѣ въ Москву въ концѣ 1721 г., возвращеніи въ С.П.Бургъ въ 1723 г. и о новомъ выѣздѣ въ 1724 г. въ Москву. — Съ этими «переѣздами Синода» соединяется образованіе временныхъ отдѣленій Св. Синода въ Москвѣ и С.П.Бургѣ подъ наименованіямъ «синодальныхъ членовъ оставшихся или обрѣтающихся въ С.П.Бургѣ», «канцеляріи или конторы московскаго синодальнаго правленія и т. п. Здѣсь любопытны подробности распоряженій Св. Синода о способахъ и средствахъ къ переѣздамъ членовъ его, чиновниковъ и канцеляристовъ, о помѣщеніяхъ ихъ въ Москвѣ и о тому подобныхъ предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ бытовой жизни лицъ государственной службы начала двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія. — Никакихъ замѣчаній относительно содержанія и изложенія главы не имѣемъ: она должна быть отнесена къ достоинствамъ монографіи, и недостатковъ въ ней мы не находимъ.

Въ девятой и послѣдней главѣ монографіи (стр. 407—429) представлена и описана «Хозяйственная часть» святѣйшаго Синода, какъ учрежденія. Въ этой главѣ описываются тѣ зданія, въ которыхъ Св. Синодъ

имѣлъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ свои засѣданія и помѣщалась его канцелярія. Петербургскія помѣщенія Св. Синода — сначала на петербургской сторонѣ, на берегу Невы, въ деревянномъ, такъ называемомъ «Брюсовскомъ домѣ», а за тѣмъ — въ каменныхъ палатахъ Гагаринскаго дома» на углу первой линіи Васильевскаго острова при Невѣ, описаны подробно и съ внѣшней стороны, и по внутреннему убранству со всѣми принадлежностями, и по занимаемому ими пространству. Сообщены подробности о перестройкѣ помѣщеній изъ частныхъ домовъ въ казенныя присутственныя зданія съ показаніемъ издержекъ, на то употребленныхъ. Въ Москвѣ для засѣданій Синода, во время его пребыванія здѣсь, были изготовлены въ патріаршемъ домѣ «крестовая патріаршая палата» и «знатныя келліи» патріарховъ. Съ подробностію описана зала засѣданій Синода. Упоминается въ главѣ о комиссарахъ, которые завѣдывали зданіями Синода, и сообщается о лицахъ, состоявшихъ при Синодѣ для услугъ, соотвѣтственныхъ названіямъ «караульныхъ солдатъ», матросовъ и сторожей, о содержаніи ихъ, о иріходѣ и расходѣ суммъ на содержаніе Синода, какъ учрежденія и т. п. Содержаніе главы весьма любопытно, при ея чтеніи, съ бытовой, такъ сказать, стороны Синода, со стороны его внѣшней обстановки. Авторъ главы собралъ свѣдѣнія, въ ней живо и наглядно изложенныя, не только изъ печатныхъ изданій («Исторіи С.П.Бурга П. Н. Петрова», «Историко-статистическихъ свѣдѣній о спбургской епархіи», «Описанія дѣлъ архива Св. Синода), но отчасти изъ архивовъ Св. Сипода, Государственнаго и Министерства Юстиціи въ Москвѣ.

Послѣ довольно подробнаго и внимательнаго разсмотрѣнія монографіи г. Рункевича, мы находимъ въ ней весьма цѣнный вкладъ въ церковно-историческую литературу о Св. Синодѣ. Отличительныя достоинства этого ученаго сочиненія слѣдующія: содержаніе въ немъ новыхъ архивныхъ изысканій, знакомство автора съ литературою предмета, богатство сообщаемыхъ свѣдѣній, живость и увлекающая читателя занимательность историческаго изложенія, многосторонность разсмотрѣнія предмета, отношеніе монографіи къ обѣщаемымъ со стороны автора послѣдующимъ его трудамъ, появленіе которыхъ въ высшей степени желательно, и самостоятельность въ построеніи, изслѣдованіи и въ разработкѣ предмета. Довольно многочисленныя наши замѣчанія, возраженія, споры съ авторомъ и упреки автору допущены нами въ разборѣ монографіи исключительно по глубокому уваженію къ ученому его труду и къ величайшей важности предмета его изслѣдованій. Разсмотрѣнною нами монографіею, въ случаѣ продолженія авторомъ ея въ томъ же родѣ предположенныхъ и обѣщаемыхъ имъ изслѣдованій, полагается эпоха въ учено-литературной разработкѣ исторіи Св. Синода и исторіи Русской церкви въ синодальный періодъ.

Принимая во вниманіе замѣчательное трудолюбіе и успѣхи молодаго ученаго въ церковноисторическихъ изслѣдованіяхъ и въ частности выдающіяся достоинства разсмотрѣнной нами монографіи г. Рункевича подъ заглавіемъ: «Учрежденіе и первоначальное устройство Святѣйшаго Правительствующаго Синода» (1721—1725 гг.), мы, съ своей стороны, признаемъ автора вполнѣ и достойно заслуживающимъ поощрительной Уваровской преміи, совершенно соотвѣтственно «Положенію о наградахъ графа Уварова», и считаемъ своимъ долгомъ ходатайствовать предъ Академіею наукъ объ удостоеніи автора монографіи означенной награды.

2007057004